

МАКС МАХ

Боевая фантастика

ХИЩНИК

Квест империя

Макс Мах

Хищник

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Хищник / М. Мах — «АСТ», 2017 — (Квест империя)

ISBN 978-5-17-105376-5

Эта история начинается 24 декабря 1929 года, когда в вольном городе Ландскрона встретились капитан-инженер Тартарской Народно-Освободительной армии Дарья Телегина, авантюристка Грета Ворм, интеллектуальное чудовище Карл Мора и негоциант Марк де Вриз. Случайная, казалось бы, встреча в неслучайных обстоятельствах вызвала колоссальные последствия, среди которых любовь и ненависть, погоня за галактическим сокровищем и тайнами древних империй. Люди и нелюди, тайны и сражения, любовь и война. На Земле и в космосе, в Аханской империи и на Венецианском карнавале. Меняются декорации и времена, но неизменными остаются — гордость, достоинство, отвага и честь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-105376-5

© Мах М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Хищник	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Макс Мах Хищник

© Макс Мах, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Макс Мах

Родился в 1956 году в Ленинграде. Там же окончил школу и институт, защитил кандидатскую диссертацию. С 1990 года живет в Израиле. С 1991 преподает в университете, профессор. Автор 90 научных работ и 10 фантастических романов. Женат, двое детей, двое внуков.

Хищник

Адекватность – это всего лишь тщательно контролируемое безумие.

Часть I Дари

Глава 1 Темное дитя

24 декабря 1929 года, нейтральная территория Водская Падь¹, Вольный город Ландскрона

Грета Ворм

Зимние вакации 1929 года случились, следует заметить, совершенно неожиданно. Упали сразу вдруг, как снег на голову. Срочный фрахт, который, впрочем, так и не состоялся; приступ острой меланхолии у господина Главного Кормчего, приключившийся как всегда некстати, то есть не ко времени; и прочие, плохо просчитываемые наперед обстоятельства, сложившиеся так, а не иначе, попросту не оставили Грете выбора. Да и Марк с Карлом *«настоятельно рекомендовали»*: дескать, *«плюнь на все, Гретхен, и отдохни как следует»*. Так что грех было не воспользоваться случаем, и Грета, давно и трепетно любившая русский север, решила провести свои нежданные каникулы в Ландскроне.

«От Рождества до Рождества, – она вполне оценила циничную иронию момента и его же двусмысленную щедрость. – Начнем с католиков, закончим православными!»

Сказано – сделано, и двадцать третьего декабря она уже была на месте, обустроивая свой отдых в одном из самых изысканных городов Севера с характерной для нее деловитой тщательностью и упоительной неумеренностью в потакании своим капризам. Шестизвездочный постоянный двор «Варяжский бург» на Заячьем острове, личный извозчик на огромном и прекрасном локомотиве – красный и черный лак, матовая бронза и седое серебро – и, разумеется, новая шуба из баргузинского соболя. Впрочем, по-настоящему основательным обновлением гардероба Грета предполагала заняться двадцать четвертого, сразу после завтрака. А завтракать она отправилась в одно из самых привлекательных мест города, в Воздухоплавательную гавань на Малой Охте. Там на вершине старой причальной башни – она называлась Свенской, поскольку принимала некогда пакетботы из Гетеборга – располагался трактир «Нордия».

Ровно в девять часов утра, в еще не развеявшейся невнятной полумгле, арендованный на все «рождественские вакации» извозчик остановил свой роскошный «Нобель-Экселенц» у главного входа в массивное, постройки двадцатых годов прошлого века краснокирпичное здание, и Грета сошла на подогретый паром тротуар. Цокнули о гранитные плиты высокие каблуки сафьяновых сапожек, проплыл мимо лица клок белого пара, открывая взгляду полные восхищения и вожделения две пары мужских глаз – серые молодые и зеленоватые «в возрасте», – и Грета поняла, что «каникулы начинаются».

¹ Новгородское название территории в устье Невы.

– Сударыня! – Высокие застекленные двери услужливо распахнулись, и в лицо пахнуло теплом парника и запахами тропических растений. Обширное фойе, занимавшее практически всю площадь цокольного этажа, представляло собой экзотический зимний сад, по аллеям которого даже в эти ранние часы пасмурного зимнего утра прогуливались в одиночестве и парами состоятельные пассажиры «Нарвских воздухоплавательных линий». Но Грета, слава богу, никуда сегодня не летела. Она прошла к лифтам, поднялась на поскрипывающей платформе на двенадцатый этаж и оказалась в трактирном зале.

– Доброе утро, сударыня! – поклонился шагнувший навстречу метрдотель. – Ваш столик!

Ее столик стоял у западной стены. Впрочем, стен как таковых в «Нордии» не было. Бывшую швартовочную платформу, превращенную нынче в трактирный зал, накрывал застекленный купол из ажурных металлических конструкций, так что посетителям открывался захватывающий вид на эллинги и причальные башни Воздухоплавательной гавани. Здесь, на высоте, ярко светили электрические прожектора, заставлявшие жемчужно сиять клочья облаков и клубы стравленного швартующимися кораблями пара, горели хрустальные линзы газовых иллюминаторов, перемигивались красными и зелеными огнями семафоры и габаритные маяки. Зрелище и само по себе захватывающее, но сегодня Грету поджидал настоящий сюрприз. На ее глазах к высокой, казавшейся издали тонкой и хрупкой Новгородской башне медленно подходил, подрабатывая вертикальными и горизонтальными плавниками, броненосный крейсер Русского Императорского флота «Глаголь».

– Красавец! – Она почувствовала, как пузырьками шампанского щекочет губы поднимающееся из глубины души возбуждение.

– Хорош, – согласился Карл, раскуривая толстую гавану.

– Хм, – коротко бросил Марк и, отвернувшись от крейсера, щелкнул пальцами, привлекая внимание пологого. – Кофе по-турецки! – он взглянул на Карла и пожал плечами: – Виноват! Два кофе! И карту вин для дамы!

Марк никогда не упускает случая продемонстрировать заботу. И да, он внимателен к мелочам, неравнодушен и понимает ее, как никто другой.

– Прошу прощения? – половой откровенно растерялся, но метрдотель уже пришел ему на помощь.

– Степан, – сказал он наставительно, с полупоклоном протягивая Грете папку из бордовой тисненной золотом кожи, – как же так, голубчик! Подал даме меню, а про карту вин забыл!

«И то сказать, – усмехнулась мысленно Грета, начиная неторопливо перелистывать меню *A La Carte*², – кто же пьет шампанское за завтраком?»

– Чем вы заняты, *Bellissima*? – прервал повисшее за столом молчание Карл. – Размышляете о вечном или выбираете из двух зол – фигура или удовольствие?

– Я изучаю пути зла, Карл, – подняла взгляд Грета. – Красное на красном, как считаете?

– Звучит интригующе, но красное на белом выглядит лучше.

– Кровь с молоком? Или, быть может, на снегу?.. – задумалась Грета, представляя, как это будет смотреться со стороны, и сразу же одним плавным движением шеи и плеч обернулась к половому. – Строганина из медвежатины, паюсная икра, яичница-глазунья по-тартарски на сале и с кайенским перцем, желтое масло и белый хлеб, и стопку³ либавской старки.

– Старка? – поднял бровь Марк и словно бы принохался на манер волка, но, разумеется, волка деликатного, образованного, воспитанного. – Полагаю, двадцатилетней выдержки?

– Другой не держим-с, – вежливо улыбнулся опаматовавший половой.

² То есть обычное меню с перечнем блюд, разбитым на рубрики: закуски, супы и т. д.

³ Имеется в виду старинная мера объема – стопка, равная 100 граммам жидкости.

– Тогда неси, любезный, сразу полуштоф⁴, – решил Марк. – И кофе прикажи варить крепкий, а не абы как! Даме тоже. Ведь вы не против, *belleza*⁵?

– Отнюдь нет! – Грета снова смотрела на швартующийся крейсер.

Завораживающее зрелище, если честно. Сродни наблюдению за отдыхающим хищником. Крупным хищником, что вернее.

– Блондинка в малиновом берете... – она ни в чем не была уверена, да и откуда бы взяться уверенности в таком деле. И все-таки, все-таки...

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой! – Карл не оглянулся, а значит, и сам уже заметил эту молодую, стильно одетую женщину, завтракающую в обществе интересного брюнета.

«Не мальчик, но все еще не старик. И, верно, хорош в постели!» – почти с завистью подумала Грета. В мужчине было нечто эдакое, что опытный женский взгляд не пропустит, хотя словами такое не объяснишь.

– Потеряно, не значит – утрачено. – Марк достал портсигар и выбирал теперь папиросу, хотя, казалось бы, что там выбирать?

– Сформулируй! – предложила Грета.

– Ее внешность...

– Ты ее никогда не видел, – возразил Карл.

– Не скажи! – улыбнулся Марк и наконец остановил свой выбор на одной из папирос. – Я ее предвкушал, а мои ожидания редко когда не соответствуют действительности. Так что считай – видел.

– Возможно, но не обязательно, – покачал головой Карл. – А ты что скажешь, моя прелесть?

– Скажу, что придется с ней познакомиться.

– Разумно, – согласился Марк, закуривая.

– Но будь осторожна, ее спутник не так прост, как кажется, – Карл пыхнул сигарой и перевел взгляд на русский крейсер. – Грациозен, не правда ли? И завораживающе смертоносен! Каков у него главный калибр?

Знать, что имеет в виду Карл, было невозможно в принципе. Особенно когда он этого не желал. Поэтому Грета предпочитала делать вид, что понимает его дословно, при этом оставляя за собой право на комментарии того сорта, какие на ум придут.

– Шестнадцать шестидесятифунтовых⁶ орудий, – сказала она, наблюдая за тем, как опускаются броневые плиты, и из недр корабля выдвигается вперед фасеточный глаз штурманского поста. Подсвеченное изнутри электричеством остекление рубки переливалось, словно волшебный топаз. – А мужичок-то и в самом деле непростой. Изображает из себя правшу, а бьет обычно с левой.

– И обучен в одной из техник у-и⁷, – добавил свои пять копеек Карл.

– Скорее всего, кун-фу, – не согласилась Грета.

– Необязательно, – вежливо улыбнулся Марк. – Возможно, это алеманский вариант идроттир⁸.

– Идроттир?! – восхитилась Грета. – Какое восхитительное безумие! Как думаешь, мухоморы он тоже ест?

⁴ Штоф = 10 чаркам = 1,23 л.

⁵ Красавица (*исп.*).

⁶ 60 фунтов – 195 мм.

⁷ У-и (или ушу) – буквально «боевое искусство», старый термин времён императорского Китая.

⁸ Idrottir – мифическое боевое искусство викингов.

– Берсерки просто обязаны питаться психоделиками. – Улыбка Марка могла разбить женщине сердце. Но, к счастью, Грета на его улыбки не велась, она от них получала удовольствие. Впрочем, совсем чуть-чуть, как от папиросы с гашишем.

– Пробовал? – со своеобразным холодноватым интересом спросил Карл.

– Там, откуда я родом, пробуют все! – Определить, когда Марк шутит, а когда говорит всерьез, обычно несложно. Но сейчас Грета в своих «оценках достоверности» неожиданно засомневалась. А что если все так и есть? Она ведь не знала точно, откуда он родом. Могло статься, что *они там* и впрямь едят все подряд. К алкоголю-то Марк устойчив, как мало кто еще. И вот это Грета знала наверняка.

– Ладно, разберемся, – рассеянно улыбнулась она. К ней приближался поднос с завтраком, и чуткий нос Греты ловил уже дурманящие запахи мороженой медвежатины и прохладной – со льда – белужьей икры. Если бы не «басовые» ноты бриолина в волосах полового и *Godeur particulier* его же сапожной ваксы, жизнь могла показаться прекрасной, но идеал, увы, принципиально недостижим.

Грета заставила себя проигнорировать посторонние включения, но, как говорится, за все надо платить. Ценой селективного внимания являлась непосредственность восприятия, но такова жизнь.

– Не волнуйтесь, мальчики! – Грета уже «захватила» блондинку в малиновом берете «длинным арканом» и знала, что не отпустит, даже если это именно та женщина, о которой она думает. В особенности, если *та*. – Я буду осторожна, как кролик в лесу. – Она подцепила серебряной вилочкой прозрачный ломтик строганины и медленно, как бы в задумчивости, поднесла к носу, словно бы и не трепетала уже в плотоядном предвкушении добычи. – А теперь оставьте меня, бога ради, наедине с прекрасным! – прошелестела она на выдохе. – Пейте свой кофе и валите нахрен! Охота началась!

Дарья Дмитриевна Телегина

Прошедшая ночь оставила странное послевкусие. Сладостная истома, пьянящий аромат страсти и горечь опасности на кончике языка. В целом недурно. К тому же свежо, ново, почти неизведанно.

«Но отчего же горечь? – спросила она себя, откусывая крошечный кусочек миндального пирожного. – Горьким бывает разочарование, но Кирилл меня не разочаровал. Тогда, быть может, тревога? – Дарья отпила немного кофе и долгое мгновение смаковала новую гамму вкусов. Жирные сливки, тростниковый сахар, кофе, миндаль... – Нежная прохлада севера. Наверняка сливки местные. Кто же будет везти сюда бидоны из Эстляндии или Вологды? Меласса⁹... Запах дыма... Маврикий или Куба? Привкус карамели и горького апельсина с травяным оттенком саванны... Замбийский лупили¹⁰? Да, несомненно! Но откуда же взялась эта странная горечь? Ведь не из миндаля же, в самом деле! Предательство? Но чего еще можно ожидать от разового любовника? В долгосрочной перспективе он не нужен ей, а она – ему. Возможно, Кирилл женат. Заботливый муж, отец семейства? Почему бы и нет? Непонятно только, в чем суть предательства, ведь если муж кого и предает, так это свою жену. Однако если не это, то что? Опасность? Но кто и зачем станет мне угрожать? И где? В Ландскроне? На виду у всех?»

– Смею ли я нарушить вашу приватность, Дарья Дмитриевна? – голос у Кирилла приятный, богатый обертонами. Не слишком низкий, но и не тенорок какой-нибудь, прости господи! Завораживающе мужественный баритон.

– Ах, оставьте, Кирилл Иванович! – улыбнулась Дарья, возвращаясь из дивного мира грез. Впрочем, и реальность, данная в ощущениях, Дарье скорее нравилась, чем наоборот. –

⁹ Тростниковая патока.

¹⁰ Сорт кофе.

Ничем вы мне не мешаете, тем более не докучаете! Напротив, утро прекрасно, кофе по-венски выше всяческих похвал, а миндальные пирожные я люблю с детства.

– Я рад, что вам понравилось.

Что ж, Кирилл наверняка знал, что делал, когда привел ее сюда. Хотел произвести впечатление.

«Глупый... и самонадеянный. Но как минимум не разочаровал».

– Мне понравилось, хотя я и погорячилась, назвав утро прекрасным! Это настроение у меня чудесное, Кирилл Иванович, а утро так себе, если честно. Но ведь мы в Ландскроне, а здесь, как известно, пасмурно всегда. – Она улыбнулась, смягчив смысл своих слов. Идея провести здесь рождественские каникулы принадлежала Кириллу. Сама она думала о Вене или Милане, однако настаивать не стала.

– Вам не нравится Ландскрона? Жалеете, что не настояли на своем? – У Кирилла темные глаза. Карие. Внимательные. В них читается интерес, и даже более чем простое желание. Он увлечен. Возможно, влюблен или, что вернее, опьянен страстью, но, если верить ощущениям, отнюдь не дурак. Должен уже разобраться, что первое впечатление, скорее всего, ошибочно. Ну, пусть, не разобраться, – ночное безумие, возможно, все еще плещется в его крови, – но уж несоответствие образа результату заметить обязан.

– В чем я ошибся? – А он, похоже, умнее, чем подумалось вначале.

– Практически во всем.

– Интересный поворот! Расскажите?

– Расскажу, – она сделала еще один глоток кофе, и еще один. – Что вас заставило подумать об ошибке?

– Католическое Рождество интересуется вас куда больше православного, и вы, по-видимому, неспроста хотели ехать в Австрию.

– Недурно, – она улыбнулась, вспомнив, как всего несколько часов назад эти губы ласкали ее тело. – Продолжайте, Кирилл Иванович! Я вся внимание!

– Образ... Не возражаете, если я закурю?

– Тогда и я, пожалуй! *Вы не против?*

Ну, еще бы он возражал. Сейчас он готов на всё.

– Итак? – она прикурила от предложенной половым спички и с удовольствием выдохнула дым первой затяжки.

«Английские папиросы из турецкого табака... Забавное сочетание!»

– Ваш гардероб...

– Мое нижнее белье.

– Ваши драгоценности.

– Плохо сочетаются с образом пишбарышни.

– Впрочем, возможно, господин Телегин?

– Господин Телегин был инженером-мостостроителем и погиб в Мировую войну.

– Он оставил вам состояние?

– Дом на набережной... Тобола.

– Значит?

– Милый, Кирилл Иванович! – обольстительно улыбнулась она. – Ну, разумеется, я не пишбарышня и не чья-нибудь секретарша. И да, я не случайно оказалась тогда и там, где и когда вы меня «подцепили».

– Подцепили меня вы, – согласился с очевидным мужчина. – А заметили когда?

– Накануне, – не стала темнить Дарья. – На приеме у губернатора. Заметила... Я, Кирилл Иванович, как раз разговаривала с коллегами на антресолях, а тут вы. Спросила, кто таков? Мне объяснили. А назавтра, глядишь ты, вы – собственной персоной, и где! В заводоуправлении! Грех было не воспользоваться!

– Кто же вы на самом деле?

– Скажем так... – Дарья сделала еще один глоток кофе, затянулась – не глубоко, чисто для куража, – и улыбнулась мужчине, который «увлек ее в пучину разврата». – Я штаб-офицер Тартарской Народно-Освободительной армии Дарья Дмитриевна Телегина. Но пусть вас это не тревожит, бель ами! Я и сама не против. Кутить так кутить! Согласны?

– Вы очаровательны, ваше высокоблагородие! – Кирилл улыбнулся и чуть склонил голову в намеке на полупоклон. – О том, насколько вы прекрасны, я умолчу до времени, но позже...

– Интриган! – рассмеялась вполне довольная произведенным эффектом Дарья.

– Всего лишь дамский угодник! Ваш, Дарья Дмитриевна, угодник. Персональный, так сказать!

– Вот и славно! – подвела черту Дарья. – Мне надоело есть! Пора подумать о вечном. Мы едем в собор Святых Петра и Павла!

Однако в храм они попали не сразу и не без приключений. Сначала Дарье пришлось на ум прокатиться на двухтактном автожире инженера Пирожкова. Идея дорого стоила, но прогулка вышла так себе: ветер усилился, и качало немилосердно. Кроме того, хрупкая конструкция автожира, сколоченная – ну пусть не сколоченная, а собранная на винтах и шурупах, – из тонких дубовых планок и алюминиевых уголков, стенала и трещала на все возможные и невозможные голоса.

«Этот плач у нас песней зовется, – констатировала измученная „прогулкой“ Дарья, когда сходила на твердую землю. – Но... Рожденный ползать... летать не должен!»

– Я требую продолжения праздника! – безапелляционно заявила она, и следующие полчаса Кирилл Иванович неторопливо отпаивал ее водкой в заведении господина Смургина. Кто таков этот Смургин и отчего его кабак не имел собственного имени, а назывался по фамилии хозяина, Дарья не разобралась. Но две граненые рюмки хреновухи ядреной и кусок холодца из телятины вернули ей бодрость и ясность мысли. Так что следующие два часа она прогуливала своего кавалера по Коломенскому пассажи, покупая «от смятения чувств» все подряд, в том числе и такое – плетку семихвостку, например, или длинный янтарный мундштук для папирос, – что и не подумала бы купить в иное время при других обстоятельствах. Но Кирилла Ивановича тем не менее удивить не удалось. «Лось» исправно оплачивал этот приступ расточительности, но от комментариев воздерживался, и все еще улыбался, как ни в чем не бывало.

– Скажите прямо, – спросила тогда Дарья, – вы хотите иметь меня связанной?

– Я хочу вас иметь, – ответил Кирилл Иванович с мягкой улыбкой на изящно очерченных губах. – А будете ли вы связаны, Дарья Дмитриевна, в цепях или в колодках, вопрос второстепенный. Где-то так.

«Так! – усмехнулась она мысленно, вполне оценив его откровенность. – И только так!»

– В Петропавловский собор! – приказала она удачно подвернувшемуся на пути извозчику, и, стравив пар, локомотив мягко отошел от тротуара, набрав скорость лишь в потоке машин на Сенной площади.

Грета Ворм

Блондинка чудила, однако душой не выглядела. Вела себя раскованно и в то же время осмотрительно, что подразумевало игру на публику или как минимум наличие двойного дна.

«Смела и эксцентрична, – отметила Грета, наблюдая за „полетом шмеля“. – И в воздухе, похоже, не в первый раз».

Правда, по милости *этой дамочки* пришлось едва ли не полчаса торчать на верхнем балконе здания аэровокзала, но нет худа без добра. Заодно удалось выяснить имена храбрых летунов: Дарья Дмитриевна Телегина и Кирилл Иванович Коноплев.

«Телегина... Дарья...» – но нет, это имя ни о чем Грете не говорило. С тем же успехом блондинку могли звать Марфой или Матреной. Никаких ассоциаций. Никакого намека на дав-

ние обстоятельства. И все-таки, все-таки... Что-то в ней было, в этой Дарье Дмитриевне Телегиной. Что-то такое, от чего дух захватывало, сбивая дыхание, и морозные коготки бежали вдоль позвоночника.

«Она?»

Могло случиться и так, но могло – не случиться. Жизнь штука непростая, и порой завязывает весьма затейливые узлы.

Грета проследила любовников до какого-то кабака и дальше в город, но ничего особенного в их поступках не нашла. Зато обнаружила нечто иное, и вот это новое знание заставило Грету почувствовать, что день удался. Что бы теперь ни случилось, кем бы ни оказалась эта дамочка в малиновом берете, сам факт, что за ней шел хвост, на многое намекал и как минимум многое обещал.

А хвост при ближайшем рассмотрении оказался весьма любопытным. За Дарьей Дмитриевной шел явный профессионал. И не просто «шпик» голимый из «наружки» города Мухоморска, а настоящий полноценный агент-имперсонатор. Из тех, кто, работая под прикрытием, могут – в зависимости от задания и фигуранта «разъяснить» и «концы обрубить». Так что, возможно, кому-то из двоих и жить-то оставалось всего чуть-чуть. Но могло стать, что никто никого не тронет. Во всяком случае, пока. Да, и Грета, глядишь ты, оказалась по случаю в правильном месте и в нужное время. Оставалось, правда, непонятно, за кем конкретно следит этот скромного вида невзрачный мужичок: за Кириллом, который и сам по себе вызывал у Греты «умеренный интерес», или за Дарьей. Девушка при первом взгляде казалась слишком молодой и «легкой», но по некоторым признакам имела и опыт, и ум.

«А может быть, за обоими сразу?» – Что ж, любовники наверняка могли кого-нибудь заинтересовать именно своими отношениями. Жену Кирилла Ивановича, например. Или содержателя Дарьи Дмитриевны.

«А что если это работодатель?» – Мысль показалась любопытной, тем более что Кирилл Иванович на семьянина не тянул, – не тот тип, – да и Дарья Дмитриевна на содержанку не похожа, хотя и может, судя по всему, разорить при случае открывшего перед ней кошелек мужика.

«Та еще штучка! Но следят, похоже, не за ней, а за ним. Остается понять, кто он и откуда, да и за дамочкой все равно приглядеть необходимо. Иди знай, а вдруг *Она* и есть?»

Между тем парочка вволю нагулялась, обрастая по ходу пакетами и сумками, которые позже отправились с посылным – ну не таскать же их, в самом деле, с собой?! – на постоянный двор, и любовники вдруг вспомнили о «душе». Впрочем, молилась в соборе Петра и Павла одна госпожа Телегина. Кирилл Иванович Коноплев ей всего лишь не мешал. Сидел в полумгле, сплотившейся над задними рядами, и то ли спал, добирая «за ночную вахту», то ли просто о чем-то думал, деликатно отойдя в сторону. Грета и сама там пряталась, найдя особенно уютное местечко между колоннами бокового нефа, откуда и фигурантов наблюдала, и за хвостом краем глаза приглядывала.

Ей вообще многое открылось, *глядя из сумрака*. И не только видимое равнодушие Кирилла Ивановича к религии – было в его поведении нечто, намекающее на то, что дело не в конфессиональных различиях. А вот Дарья Дмитриевна, напротив, показалась Грете женщиной на удивление набожной. Набожность ее, впрочем, проявлялась, по-видимому, спорадически. Что называется, *то грешит, то блажит*. Но, видит бог, молилась блондинка искренно и не на публику. Для себя любимой старалась. Но тогда возникал непраздный вопрос: с чего бы это Дарье Дмитриевне Телегиной, являвшейся, к слову сказать, подданной Тартарской Народно-Демократической Республики, молиться в католическом храме? Тартарцы-то, как и новгородцы, которые не хазары и не татары, то уж, верно, православные русские. Католиков в тех краях немного и зовутся они, что характерно, на иной лад.

Недоумение это стоило того, чтобы посвятить ему время и внимание, но вскоре выяснилось, что есть в этом мире вещи *«поильнее Фауста Гете»*. Оказывается, у хвоста имелся собственный хвост. Кто-то – осторожный и умелый – на редкость профессионально вел всех троих, находясь при этом «на самом пределе видимости».

«Эдак он, поди, и меня срисовать мог!» – ужаснулась Грета, отроду не любившая такого рода неожиданностей. Но, с другой стороны, дело становилось все интереснее и интереснее. Как говорят в народе, чем дальше в лес, тем больше дров.

Грета перекрестилась – на тот случай, если ее кто-нибудь все-таки рассмотрел – и неспешно покинула храм, растворившись в негустом потоке обывателей, спешащих на станцию хохбана¹¹, и занимая, таким образом, позицию «позади крайнего». Теперь она следила за тенью тени, а уж тот, верно, ее «деточку» не проморгает.

Дарья Дмитриевна Телегина

– Трактир – это скучно, – заговорщицки подмигнул Кирилл Иванович. – Разве же удивишь штаб-капитана вульгарной ресторанной?

«Хорошая попытка! – усмехнулась в душе Дарья. – Пусть остается „штаб-капитан“. От меня не убудет!»

– У вас есть предложение лучше? – она проигнорировала озвученное Кириллом звание и сосредоточилась на главном. – Куда же вы меня поведете, Кирилл Иванович? Надеюсь, не в постель?

– Ах, любезный друг, – улыбнулся Кирилл, пародируя «куртуазный стиль» псковских беллетристов, – отчего бы и не в постель, ведь нам друг с другом отнюдь не скучно!

– Это верно, но...

– Но речь, разумеется, о другом, – еще шире улыбнулся Кирилл Иванович. – Я приглашаю вас в клуб «Домино», Дарья Дмитриевна! Мне сообщили, что место это необычное, стильное и недешевое...

– Стриптиз? – нахмурилась Дарья, живо вообразив, чем этот клуб может оказаться на самом деле. – Вертеп? Бордель?

– Ни в коем случае! – протестующе вскинул руки мужчина. – Элитарно и не без вольнодумства, разумеется, но весьма умеренно, если вы это имеете в виду. Изысканно и с хорошим вкусом.

– Что ж... – следовало соглашаться, но Дарья физически не умела вот так сразу сдавать позиции.

– Возможно... – предположила она, набрасывая поволоку на взгляд, как иные – шаль на плечи. – Право, я начинаю думать, что постель и скромный ужин *между тем и этим...* В номере, в неглиже... – она дурила ему голову, разумеется, хотя и знала – Кирилл не мальчик, и все прекрасно понимает.

«Вот и пусть понимает! Мне-то что?»

– Постель... – между тем повторил он за Дарьей, явно включаясь в предложенную игру. – Звучит заманчиво. Однако должен вам напомнить, ваше высокоблагородие, что желаемое и действительное – суть разные вещи.

– Что вы имеете в виду?

– Границы возможного.

– Намекаете на свой возраст? – Что ж, сильные мужчины не боятся признаться в слабости, особенно если о ней и речи быть не может. Сильные женщины, впрочем, тоже.

– Увы, я немолод...

«Экий мерзавец! – восхитилась Дарья. – Глядишь, еще и слезу пустит!»

¹¹ *Hochbahn* (нем.) – трассы метро, проложенные на эстакадах – «надземки».

– С другой стороны, ваше *неглиже*, Дарья Дмитриевна, представляется мне попросту восхитительным. Но вы ведь об этом осведомлены?

– Да, – признала Дарья, – я заметила ваш жадный взгляд.

– Что же делать?

– Даже и не знаю! – Дарья виртуозно, хотя и с показной нарочитостью исполнила «упражнение для глаз» – взгляд на нос, в сторону, на него, – и мило улыбнулась. – Есть идеи?

– Одну я уже озвучил! – Улыбка Кирилла оказалась ничуть не хуже ее собственной, и цена ей была та же – медный грош. – Не упрямитесь, Дарья Дмитриевна! Поедемте в клуб. Право слово, не пожалеете. Место оригинальное. Во всяком случае, не банальное. Кухня, по отзывам знатоков, выше всяческих похвал. Опять же атмосфера, какую вряд ли найдете и в самом лучшем трактире. А надоест *кутить*, – мягко усмехнулся он, отмечая последнее слово особым ударением, – к нашим услугам приватные кабинеты на верхних этажах. Я взял на себя смелость зарезервировать за нами один из люксов.

– Соблазняетесь? – Игра нравилась Дарье и сама по себе и предвкушением праздника.

– Еще и не начал.

– Но в номера-то пригласили?

– О, номера – это пошло! – отмахнулся Кирилл, ни жестом, ни взглядом не напомнив Дарье, что это она только что предлагала ему вернуться на постоянный двор и провести время наедине, то есть *тет-а-тет*, со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. – А в «Домино», коли уж нам наскучат ломберные столы, программа варьете и кулинарные излишества, нас ожидает именней люкс. Он называется «Королева Роз». Меня заверили, – и уж поверьте, Дарья Дмитриевна, я в таких вещах до крайности придирчив, – что этот «кабинет» достоин своего названия.

Звучало заманчиво. Впрочем, Дарья с самого начала не сомневалась, что Кирилл ее не в вертеп приглашает.

«Особенно в Рождество! – усмехнулась она мысленно. – Впрочем, вертепы, они тоже разные бывают...»

Стоило признать, злчные места ее не пугали. Скорее, наоборот, влекли. Однако сегодня у Дарьи было другое настроение. Не *трищобное*, если называть вещи своими именами. Роскошь привлекала больше, особенно если это *порочная роскошь*.

– Что ж, – сказала она вслух тоном, в котором звучала некая строго выверенная доля сомнения, – едемте, Кирилл Иванович, в этот ваш клуб. Надеюсь, вы меня не разочаруете.

И он ее не разочаровал. Все оказалось именно так, как давеча нагрезилось, навеянное словами Кирилла. Освещенное желтыми газовыми фонарями трехэтажное здание в стиле «северный ампи́р», в меру роскошное, – что намекало на нерядовое происхождение, – в меру обветшалое, что указывало на возраст особняка и гарантировало скрытые в его прошлом мрачные тайны. Мертвые деревья парка – черные на фоне белого снега – и темные окна, за которыми, казалось, сгустился мрак, довершали впечатление, характерное для атмосферы готического романа. И разумеется, никакой вывески. Лишь устрашающего вида швейцар в волчьей дохе...

– Мне нравится! – констатировала Дарья, переварив первые впечатления. – Пойдемте внутрь, Кирилл Иванович! Хочу проверить, насколько хороша моя интуиция!

Что ж, и тут она не ошиблась. Интуиция не подвела, и все оказалось даже лучше, чем представлялось издали. Внутренние помещения клуба поражали изысканной роскошью и фантазией архитекторов и художников. Ну, пусть не поражали! Поди, порази такую стерву, как Дарья! Но все-таки заставляли признать очевидное: эти залы и коридоры, гостиные и фойе отменно обставлены и декорированы, умно освещены и предусмотрительно прогреты. Модерн, ар-нуво, югендстиль... В общем, – независимо от названия, – именно то, что всегда нравилось Дарье.

– Мне нравится, – повторила она, разве что чуть изменив тональность и интонацию. – Это вы хорошо придумали, Кирилл Иванович, что привезли меня сюда.

– Что будете пить? – Он умел принимать комплименты с деликатностью истинного кавалера.

«Мне повезло! – признала Дарья, просматривая карту вин. – Случайный любовник, а выглядит как постоянный. Приятное разочарование!»

– Пассита ди Пантелерия¹², – решила она.

– Может быть, все-таки шампанское? – чуть нахмурился Кирилл. Удивлять его оказалось поразительно приятно. – Я вижу здесь прекрасный выбор: Мумм, Дом Периньон, Пол Роже...

– Не старайтесь, Кирилл Иванович! Я умею читать, но сейчас хочу Пассита ди Пантелерия!

И, разумеется, она получила бокал вина, похожего на жидкий янтарь. Дарья всегда получала то, что хочет. В этом все дело.

– Чудесно! – сказала она, сделав второй или третий глоток, и закурила тонкую египетскую папиросу.

Дым «Нефертити» – дурманящая смесь со вкусом чабреца и каннабиса, напоминающими о пустынях и диких горах, смешался с ароматом сушеных на солнце фруктов, лесных орехов и горного меда. Итальянское вино и египетские папиросы. *Пассита ди Пантелерия* и *Нефертити*. Гамма ощущений оказалась такой, что едва не захватило дыхание, и Дарья хотела было поделиться с Кириллом своим выходящим за грань реальности удовольствием, но именно в этот момент ей в спину дохнули ветры минувшего. Дарья замерла, прислушиваясь. Ей показалось вдруг, что за спиной раскрылись врата вечности, и прошлое вернулось, чтобы...

«Что?»

– *Шахматы? – спросила она, когда он вошел. За скрипом голоса и шорохом одышки легко было скрывать вечно тлеющую надежду. Но где же тут скроешься, и от кого! Марк разгадывал ее, как ребус для школьников, читал, как открытую книгу.*

– *Если ты этого хочешь! – улыбнулся он. Подарил свою чарующую улыбку и пошел доставать шахматную доску.*

«*Если я этого хочу? О, боже! Я хочу, хочу, хочу! Но что толку хотеть! Хотеть не значит мочь. Поэтому пусть будут шахматы.*»

– *Я вижу, ты работала, – кивнул он, возвратившись к столу, на ее каракули. – Что это?*

– *Так, ерунда...*

– *А все-таки? – он раскрыл доску и начал расставлять фигуры. Высокий, широкоплечий,двигающийся с невероятной грацией – другого слова она просто не могла подобрать. Но факт в том, что движения его были стремительны и точны, но при этом, казалось, возникали одно из другого, как если бы были одним слитным движением. Долгим и плавным, идеально вписанным в пространство и время.*

– *Кажется, я решила проблему четырех красок¹³...*

– *Ты решила теорему Гутри?*

– *Не знаю, но мне кажется...*

¹² *Пассита ди Пантелерия* – белое сладкое вино с острова Пантелерия недалеко от Сицилии. Одно из самых титулованных и престижных вин Италии.

¹³ В математике *теорема о четырех красках* утверждает, что всякую расположенную на сфере карту можно раскрасить четырьмя красками так, чтобы любые две области, имеющие общий участок границы, были раскрашены в разные цвета. Впервые сформулирована английским математиком Френсисом Гутри в 1852 году, но доказана в РИ только в 70-е годы XX века.

– Не стесняйся! – улыбнулся он. – Наверняка все так и есть! Ты же умница, ты всегда находишь правильные ответы!

«Марк?» – она хотела обернуться, но музыка ее опередила.

«Марк!» – это была его музыка. Только он умел так импровизировать, интерпретируя скрытые смыслы и намерения композитора. Только под его пальцами Рахманинов становился живым. Как исполнитель Марк был лучше, серьезнее и глубже, чем сам композитор, а ведь Рахманинов заслуженно считался великолепным пианистом!

«Боже!» – Она все-таки обернулась, но лучше бы осталась сидеть, как сидела. На возвышении в глубине зала стоял белый концертный рояль, однако играл на нем не Марк, а какая-то смутно знакомая молодая женщина с красивым, но мрачным лицом.

«Кажется, она была утром в „Нордии“, – вспомнила Дарья. Однако никакой уверенности в этом не испытала. Могло быть так, могло – иначе. – Но играет она, как Марк... и... да! Боже праведный! Но как это возможно?!»

Аура – вот в чем дело. *Связь* – вот, как это называется. *Узнавание* – от него начинала кружиться голова, и сердце пустилось в бешеный галоп...

Грета Ворм

Золотые ключи открывают любые двери, – так говорят в Зурбагане. В Лисе добавляют: «Золото открывает даже гробы». Звучит несколько мрачно, но сути дела не меняет. Деньги решают пусть не всё, но очень многое, и силу эту не отменить никакими этическими императивами.

Грета «прошла» в клуб «Домино», что называется, даже не запыхавшись. Дождалась, пока сладкая парочка исчезнет за глухими дверями сумрачного особняка на Каменном острове, уводя за собой – что было очень кстати – и свои многочисленные хвосты, и подъехала к подъезду клуба на безусловно дорогом и роскошном «Нобель-Экселенце». Локомобиль, дорогущая шуба из седого баргузинского соболя, щедрый взмах тонкой руки, швыряющей *не глядя* не пересчитанные банкноты, и дело сделано – «Дамы и господа, двери открываются!»

Внутри оказалось не хуже, чем снаружи, и Грета решила, что делу время, а потехе час. И час этот настал как раз сейчас, а работа, как говорят в Туруханске, не волк, в лес не убежит.

Она выпила шампанского, прогуливаясь по галерее, где были выставлены картины художников-модернистов, и, прихватив с важно вышагивающего на трех коленчатых ногах-опорах серебряного подноса еще один бокал *La Grande Année*¹⁴, прошла в игорный зал. Выиграла сто рублей, поставив фишку на красное, сыграла пару раз в блэк-джек, неожиданно вспомнив, и явно не своей памятью, игру в карты с оперативниками тактической разведки Кшатриев – «*В Ниневиш, кажется...*» – и переместилась в обеденный зал. Вернее, в один из трех ресторанов, расположенных на двух этажах клуба, а именно в тот, где за изящным столиком в тени покрытой зелеными листьями березки сидели Дарья Ивановна Телегина и Кирилл Иванович Коноплев.

Сама Грета заняла было столик под кленом в цветах осени, но увидела неподалеку концертный рояль и едва не потеряла сознание от нахлынувших на нее чувств. Программа варьете еще не началась, и рояль стоял в молчании, безгласно гадая о том, что готовит ему будущее. Он был большой – Грета оценила его длину в косую сажень¹⁵ – и, значит, обладал большим диапазоном тембра, длительности и выразительности звучания. Не максимальной, конечно, но и зал-то, в котором стоял рояль, был невелик. Так что самое то, и, если экстерьер не лгал, то фирма-производитель принадлежала к семейству Больших Сестер – лучшим мировым брендам в области производства клавишных музыкальных инструментов.

¹⁴ Шампанское *La Grande Année* предпочитал Джеймс Бонд.

¹⁵ *Косая сажень* – примерно два с половиной метра.

«Стейнвей? – прикинула Грета. – Август Фёстер? Бехштейн или Блёфнер?»

– Коньяк! – щелкнула она пальцами. – Что там у вас?

– Буквально все, что угодно! – угодливо выдохнул мгновенно возникший рядом со столиком – словно бы из воздуха материализовавшийся – сомелье.

– *Bisquit* одиннадцатого года... Я хочу поиграть на этом инструменте, что скажете?

– Я... Боюсь, другие гости...

– А вы не бойтесь, любезный, слушатели меня обычно боготворят, ну или, по крайней мере, любят!

Она знала, что говорит. Кое-кто – и не будем называть этих всех по именам – считал ее лучшим из известных исполнителем-интерпретатором русской классики. Сама же Грета полагала, что она просто лучшая, и не только в музыке. Но в интерпретации европейских композиторов прошлого столетия – наверняка. Однако дело не в том, кем она себя считала, а в том, что, если на нее «находило», удержаться от музицирования Грета просто не могла.

Она подошла к инструменту. Тот был безупречен и словно бы ждал.

«О господи!»

Откуда-то сзади ей подали рюмку с коньяком, аромат которого обнимал Грету, казалось, уже целую вечность.

«Что сыграть?» – задумалась она, переживая прохождение коньячной струи по языку, глотке и пищеводу, но вопрос на самом деле запоздал. Все уже решилось, потому что из вечности на Грету смотрели темно-зеленые глаза Жозефины.

«Жозефа! Ну, разумеется! Как я могла забыть?!»

Грета сидела за роялем-миньоном и лениво – так как не решила пока, что делает и зачем – импровизировала, интерпретируя 1-й концерт Чайковского. Сама она делала это скорее от скуки, чем из каких-либо иных соображений. Но кое-кого из присутствующих ее упражнения в прекрасном явно заинтересовали. Люди подтягивались к инструменту, обступая его со всех сторон, очарованные, завороженные. Ее исполнением, ее пластикой, ее интеллектуальной и эмоциональной силой, наконец. И, разумеется, ее красотой...

«Я прекрасна... обворожительна... желанна... Ну же, детка, давай! Ведь ты уже хочешь меня так, что голова кружится и челюсти сводит!»

Темно-зеленые глаза смотрели на нее с восхищением и вожделием.

«Она моя!» – поняла Грета.

Так они познакомились с Жозефой, но, к сожалению, их знакомство оказалось коротким...

«Ох, черт!» – Грета уже сидела за инструментом и играла. Интерпретировала она, правда, не Чайковского, а Рахманинова, но догнавшее ее воспоминание заставило насторожиться. Безупречное чутье хищника никогда не подводило, и, видно, неспроста вспомнилась именно коварная Жозефина. Темно-зеленые, глубокие, словно в омут заглядываешь, глаза... Грета подняла опущенные веки, и их взгляды встретились. Не Жозефа... Не темная зелень... Другая женщина. Другие глаза. Серые, завораживающие своей глубиной, в которой клубится туман неопределенности...

«Темное дитя! И, значит, я снова оказалась права!»

Дарья Дмитриевна Телегина

Она и сама не помнила, как встала из-за стола, как прошла через зал и как оказалась рядом с роялем. Не помнила, нет. Не знала, зачем. Не отдавала себе отчета. Грезилась наяву. Блажила *на всю голову*. Но, в конце концов, очнулась, выныривая из небытия, как из омута,

и, оказалось – стоит около инструмента, опершись руками о его молочно-белую поверхность, ласкает подушечками пальцев нежнейшую гладь полировки и смотрит не отрываясь в темные глаза пианистки.

– Дарья Дмитриевна! – голос Кирилла долетал словно бы издалека, звучал глухо, и звуки речи сливались в неразборчивое бормотание. – Дарья Дмитриевна!

Кажется, он встревожен, и, возможно, не без основания, но Дарья все еще не могла прийти в себя. Она слушала музыку, ощущая ее одновременно кончиками пальцев, и смотрела на женщину напротив. Наверняка та высока ростом. Дарья без опасений побилась бы об заклад, что пианистка не уступит в росте большинству высоких мужчин. Высока, стройна, можно сказать, изящна. Тонка костью и чертами своеобразного удлиненного лица. Пожалуй, красива. То есть красива без сомнений, но на свой особый лад. Высокие скулы, замечательный рисунок узкого носа и резкий очерк нижней челюсти. Большие синие глаза, казавшиеся сейчас черными, словно врата бездны. Темные, цвета воронова крыла вьющиеся волосы, заплетенные в косу и уложенные короной вокруг головы, открывая жадным взглядам мужчин длинную белую шею, по-настоящему лебединую, если знать, о чем идет речь.

«Красавица!»

– Дарья Дмитриевна! – еще настойчивее, чем прежде, позвал Кирилл и взял ее за руку. – Даша!

– Да? – рассеянно обернулась она. – Что? – очнулась Дарья от «зачарованного сна».

А музыка, глядите-ка, уже закончилась. И красавица-пианистка, оказавшаяся и в самом деле высокой и грациозной, встала из-за рояля и улыбнулась Дарье.

– Вам понравилось? – А голос у нее оказался под стать внешности, высокий, но с хрипотцой и особыми обертонами, намекавшими скорее на альт или даже виолончель, чем на скрипку. Мрачность исчезла с лица женщины, и теперь оно выглядело почти нормальным, хотя Дарья и не взялась бы объяснить, что именно заставило ее употребить слово *почти*.

– Вам понравилось?

– Да, очень! – вернула улыбку Дарья. – Вы великолепная пианистка! Мне кажется, я лишь раз в жизни слышала нечто подобное.

– Когда-то давно? – в улыбке пианистки возникло нечто, намекающее на оскал охотящегося зверя. – В далекой стране?

– Да, – почти непроизвольно подтвердила Дарья. – Далеко. Давно.

– Счастливица! Что он играл?

«Он? Откуда она знает, что это был мужчина?»

– Листа, мне кажется.

– Лист замечательно подходит для интерпретаций, – кивнула женщина, словно бы соглашаясь с мнением собеседницы. – Он полон глубины, внутренне сложен и непрост технически. Хороший выбор!

– Не знаю, право! – опешила от такого напора Дарья.

– Вы чудесно играли, сударыня! – вступил в разговор Кирилл. – Смею ли я предположить, что имею честь говорить с самой Лизой ван Холстед?

– О, нет, сударь! – рассмеялась незнакомка. – Но я польщена! На самом деле я всего лишь любительница, и ничего больше. А Лиза – гений!

– И тем не менее... – возразил Кирилл и тут же спохватился, что ведет себя неучтиво. – Но мы не представлены. Кирилл Иванович Коноплев, к вашим услугам!

– Дарья Дмитриевна Телегина, – назвалась Дарья.

– Грета Ворм, – улыбнулась женщина, которая и вообще, судя по всему, не скупилась на улыбки. – Или лучше назваться на русский лад? Тогда я Грета Людвиговна.

– Что ж, Грета Людвиговна, – Дарья уже вполне пришла в себя, – вы действительно великолепны. И совершенно неважно, любитель вы или профессионал. И по-русски вы говорите как природная русачка.

– О, это пустяки, – сейчас смеялись лишь глаза женщины, но Дарье показалось, что это опасный смех. – Я так на семи языках изъясняюсь. Но зато на всех прочих у меня чудовищный фламандский акцент. Так что там с Листом? Не хотите обсудить за чашкой чая?

– В чайной на Фурштатской? – предложила Дарья.

– Завтра.

– В полдень?

– Великолепно! – И, чуть склонив голову в прощальном поклоне, Грета Ворм не торопясь пошла прочь.

– А что не так с Листом? – поинтересовался Кирилл через минуту, когда они вернулись к своему столику.

– Похоже, у нас был один и тот же любовник, – рассеянно ответила Дарья, она думала сейчас о Грете и Марке, о тайне и печали, и о надежде, разумеется, то есть о том, что принесет ей завтрашняя встреча в чайной.

– Кажется, я начинаю ревновать, – мягко напомнил о своем существовании Кирилл.

– У вас нет ровным счетом никаких оснований.

– Хотите сказать, нет прав?

– И прав, – согласилась Дарья, – и оснований. Живите сегодняшним днем, Кирилл Иванович! Это лучшая политика!

Больше они к этой теме не возвращались. Наслаждались вином и яствами – кухня в «Домино» и в самом деле, оказалась отменная, – играли в рулетку и блэк-джек, и снова выпивали, просматривая между делом программу варьете, и уже глубокой ночью – во всяком случае, Дарье казалось, что уже очень поздно, – поднялись наверх, в «Королеву Роз». Тут, собственно, все и случилось.

Дарья лениво огляделась, осматривая гостиную – открытая двустворчатая дверь, занавешенная тяжелой портьерой, вела дальше, в спальню, – и, подойдя к разожженному камину, поставила бокал с шампанским на полку.

– Прелестно! – сказала она, поворачиваясь к Кириллу, и получила удар в солнечное сплетение. Хороший удар. Точный и сильный. Такой, что убить не убьет, но на пару минут «стреножит», сложив пополам, словно наваху, как нечего делать.

«Что за?..» – но додумать не удалось, стало очень больно, и дыхание прервалось. А когда задыхаешься, и в глазах темно от недостатка кислорода, ни о чем не думаешь, кроме как глотнуть воздуха. Даже о боли. Тем более о том, за что вдруг или с какой стати?

Очнулась мокрая от пота, с бешено бьющимся сердцем и кляпом во рту. Оказалось, сидит в кресле, привязанная к нему за руки и за ноги, а когда и как туда попала, даже не запомнилось. Одно очевидно – это не игра в «сделай мне больно», не прелюдия к любви *пожестиче*. Не в той позе она пришла в себя, да и одежда вся на месте, даже панталоны. Так что не вертеп порока, а скорее миракль¹⁶ на тему великомученичества. Хотела было спросить об этом своего коварного «друга», но кляп мешал не только дышать. Говорить он мешал еще больше.

– Очухались, сударыня? – Кирилл стоял перед ней, смотрел как ни в чем не бывало, курил папиросу. – Можете не отвечать, вижу, что сознание к вам вполне возвратилось, а посему хотелось бы сразу перейти к делу. Женщина вы, Дарья Дмитриевна, не только красивая, но и умная. Это факт. Впрочем, вы ведь не Дарья и не Дмитриевна, не так ли?

Намек на истину прозвучал ударом погребального колокола.

«Что он знает?!»

¹⁶ Миракль – средневековые мистерии, сюжетом которых было чудо или житие святого, или чудо Богородицы.

– Я ведь как думал? – продолжал между тем Кирилл, слегка покачиваясь на пятках. – Охмурю какую-нибудь пишбарышню, ошастливлю девушку по полной программе, так она мне все свои мелкие секреты – ну, те, до которых допущена, – сама в клювике принесет, даже просить не придется. И ведь это только звучит так просто, *Дарья Дмитриевна*. На самом-то деле подобраться к Арсеналу ой как не просто. Но я подобрался, как видите. Два года жизни и кучу денег потратил, но на бал к губернатору попал, и в заводоуправление тоже. А там вы. Но вас, простите на грубом слове, и ловить не пришлось, сами клюнули. Не так ли, Дарата Довмонтвна?

Вот тут ее проняло по-настоящему. Услышав «родное» имя, Дарья на мгновение даже утратила самоконтроль. Вздрогнула. Открылась извергу – а то, что Кирилл тать, она уже поняла, – показала свою слабость. Но, с другой стороны, не из железа же она сделана, право слово!

– Вы что же, госпожа капитан-инженер первого ранга, – хищно улыбнулся Кирилл, заметивший верно, как Дарья дает слабинку, – не знали, что других женщин в штаб-офицерских званиях в вашей армии всего трое? Вас вычислить, уважаемая, для кадрового разведчика, – а я, увы, кадровый, – это и не задача вовсе, а баловство. Однако положение ваше в Народно-Освободительной армии Тартарской Республики кардинальным образом меняет ваше, Дарата Довмонтвна, *положение* относительно меня. Вы понимаете? – он пыхнул папироской и замолчал на мгновение, давая Дарье вполне прочувствовать свое незавидное «положение». – Пишбарышню я бы побаловал, наверное, да и отпустил с богом. Куда она, на самом-то деле, с моего крючка денется? Однако вас, госпожа Эгле, я отпустить не смогу. Вот это та мысль, которую я хотел бы довести до вас в первую очередь. Остальное, как говорится, производные. Будете сотрудничать, переброшу вас в тихое спокойное место. Обеспечу комфортом в пределах разумного, и будете себе жить-поживать, помогая нам разобраться, что *там у вас, к чему*. А нет так нет. Мне терять нечего и бояться тоже нечего. Все равно всё расскажете. И сделаете всё. Буквально всё, о чем попрошу. И в тихое место, в конце концов, уедете. Но уже без комфорта. Поскольку ни к чему. Денег на вас и так потрачено столько, что подумать страшно. Но комфорт – это ведь от лукавого. Кто о нем думает, когда больно? А вам будет больно, и сейчас, и, что важнее, потом, потому что потрошить я вас стану здесь и сейчас. В полевых условиях, так сказать. Без медиков и лекарств. По старинке. Убить не убью, – усмехнулся он, видя, должно быть, по выражению ее глаз, что своего добился, – но покалечу наверняка. А это, знаете ли, тот еще геморрой, жить со всеми этими «приобретениями». Так что думайте. Даю вам пять минут на осмысление моих слов, и продолжим с Божьей помощью.

Кирилл кивнул ей, словно бы ставил точку, и отвернулся. Подошел к круглому столу, задушил в пепельнице окурков и, сдвинув на дальний край вазу с фруктами и поднос с шоколадными пирожными, вышел в спальню. Дарья же, связанная по рукам и ногам, и слова вымолвить не могла. Думать она, впрочем, не могла тоже. Паника захватила ее сразу всю, напрочь выбив куда-то в никуда все признаки ума и таланта: здравый смысл, скорость и точность мысли, волю, наконец. Обрывки мыслей металась в наполненной гулом и жаром голове «без смысла и разума», и уж тем более без цели. Ей было страшно. Жутко и одиноко. Кирилл, его холодные деловито-равнодушные слова, его предугадываемые воображением ужасные поступки – все это казалось воплотившимся в реальность ночным кошмаром. Да нет! Какое там! Не казалось, а было. Являлось. Ведь все это происходило с Дарьей на самом деле. Здесь и сейчас, в этой комнате и в этом городе, в ночь перед Рождеством.

«Какая же я дура! Дура! Дура! Дура! Дура!» – и это, если честно, была ее самая ясная мысль.

Самонадеянность, гордыня и презрительная снисходительность к «мелочам жизни» – сыграли с Дарьей злую шутку. Так эпически проиграть в партии-двухходовке могла только последняя тупица. Но именно это с Дарьей и произошло.

«Боже милостивый, какая же я дура!»

Между тем вернулся из спальни Кирилл. Он принес с собой длинный черный футляр, наподобие тех, что используют для хранения кларнетов и гобоев, и поставил его на стол.

– Ну, что? – оглянулся через плечо, одновременно щелкая замками. – Доставать инструменты, или просто поговорим? Вы кивните, если что. Я кляп-то и выну.

«Да, да, да!» – сразу же затрясла головой Дарья, готовая, если честно, на все, *только бы не мучили*.

– Ну, вот и славно! – Кирилл оставил в покое свой страшный футляр и, подойдя к Дарье, вытащил кляп. Действие, следует отметить, малоприятное, но без кляпа качество жизни возросло в разы.

– Итак? – голос спокойный, глаза внимательные. И где, спрашивается, вся та страсть и нежность, что светилась в них еще несколько минут назад?

«Вот же подонок двуличный! Выблядок! Сукин сын!» – кричало ее сердце, но разум, как бы ни был он раздавлен ужасом, подсказывал: *«всего лишь профессионал»*.

– Чего вы хотите? – слова давались с трудом, звучали хрипло и как бы с шипением, возвращая ее к прошлому, о котором хотелось забыть.

– Один вопрос. – Глаза Кирилла сузились, и в них блеснула сталь. – Пока, здесь и сейчас – всего один: кто поставляет Арсеналу гравитонные эмиттеры?

«Один вопрос? – ужаснулась Дарья. – Ну, надо же, всего один вопрос!»

– Я... Я не знаю, – выдавила она, боясь даже думать о том, в какое угодила дерьмо.

– А если отрезать сосок? – не меняя выражения лица, и все тем же «любезным» тоном поинтересовался Кирилл. – Вам какого не жаль? Левого или правого?

– Я...

– Ну, не хотите резать, и не надо, – пожал он плечами, словно бы соглашаясь с ее невысказанными вслух возражениями, и снова повернулся к столу. – У меня есть и другие идеи.

Он поднял крышку футляра и, покопавшись в его лязгнувших металлом недрах, достал маленькие стальные плоскогубцы.

– Вот, к слову, *Дарья Дмитриевна*, настоящая льежская сталь! Коккериль¹⁷. Тут вот и клеймо заводское имеется, – указал Кирилл пальцем на матово поблескивающую поверхность инструмента. – Как думаете, *Дарата Довмонтовна*, что вы почувствуете, если я сожму этим ваш сосок?

– Я... – но она от ужаса и говорить-то толком не могла. Слова произнести не умела, даже прохрипеть.

– Я... – получалось ужасно. Вернее, не получалось вовсе.

– Для начала вы, госпожа капитан-инженер первого ранга, вульгарно описались. А что будет, если я вам ваш янтарный мундштук в задницу воткну?

Грета Ворм

Искусство имперсонализации всегда давалось Грете с легкостью, совершенствуясь с годами и достигнув, в конце концов, таких вершин, что и самые зловредные критики – имея в виду Карла Мора и Марка де Вриза – вынужденно признали свое поражение. Посрамленные, они лишь подтвердили очевидное – каждый на свой особенный лад, – что *«чугунной задницей талант не заменишь»*, и что *«качество в обычном случае бьет количество»*. Однако Грете важны были даже не сами слова, а сопутствующие им эмоции. И она свое получила. Напилась их «дружеским» раздражением, что упырь кровью.

И вот, не прошло и четверти часа с тех пор, как она пообщалась с той, кого даже мысленно предпочитала пока называть *темным дитя*, а Грета избавилась уже и от роскошного платья

¹⁷ Универсальная сталь «Коккериль» с маркой петуха. Использовалась только на ружьях льежской мануфактуры.

и тувель, и от нерядовых бриллиантов. Переделалась горничной, – уложив случайную жертву своих быстро меняющихся планов спать в кладовке до утра, – и без остатка растворилась в том безликом и незаметном мире, что окружал, поддерживая и обеспечивая всем необходимым, другой мир – тот, в котором жили и развлекались гости клуба «Домино». Теперь она была никем, став инкогнито и потеряв для окружающих и облик, и значение. Такое положение вещей было и само по себе чем-то сродни волшебству, но главное в другом – сыграв в несложную игру *«притворись другим»*, Грета обрела полную, если не сказать, абсолютную свободу.

Прежде всего она прошла по клубу, а он оказался куда больше, чем могло показаться при беглом осмотре. Исследовала неторопливо и со вкусом некоторые *потайные секреты зазеркалья*, и совсем взялась было за любезное ее сердцу изучение *обычаев и нравов русского народа*, как вдруг почувствовала, что дела пошли совсем не так, как ожидалось. Разумеется, это был эвфемизм. Дела пошли хуже некуда. Но, находясь в поиске, Грета «глушила» эмоции, заменяя истинные смыслы ложными. Отражение реальности в ее сознании становилось тогда блеклым и несколько выцветшим, но зато и не мешало охотиться. А что случается, когда тобой управляют чувства, она знала не понаслышке. Представляла себе, что может случиться, если позволить «девичьим глупостям» взять верх над прохладным безразличием охотника.

Связь, которую Грета ощутила намеренно в трактире «Нордия», оказалась не ложной. И более того, эти эфемерные узы менялись и крепили в течение всего прошедшего дня, становясь тем, чем и должны были быть все эти годы. *Творец и создание* ведь не суть лишь два «лица», образующие пару. Их связь, их партнерство неразрывны и носят вполне определенный характер. Короткий разговор возле рояля, состоявшийся несколько часов назад, завершил процесс, инициированный нежданной и негаданной встречей, и теперь, когда ужас вошел в сердце Дарьи, Грета почувствовала его как свой собственный. Чуждое ее сути ощущение бессилия и страха Грета тем не менее опознала без труда. Для нее это был сигнал опасности, и действовать она начала немедленно.

План здания она успела изучить, *прогуливаясь по ту сторону тени*, а направление, что называется, считывала с листа. Дарья «голосила» во всю мочь – видно ей, и в самом деле, приходилось туго. Она ведь не просто испытывала страх, она билась – словно муха в паутине – в когтях всепоглощающего ужаса. Зато и «слышно» ее было хорошо, так что Грета оказалась на заваленном снегом балконе «Королевы Роз» как раз тогда, когда господин Коноплев произнес весьма многозначительную фразу – *«А что будет, если я вам ваш янтарный мундштук в задницу воткну?»*

«Это что, у них теперь такой стиль общения?» – удивилась Грета, полагавшая, что за двадцать лет «куртуазный» стиль так драматически измениться не может. Впрочем, долетевшие до нее эмоции Дарьи указывали на то, что фраза произнесена мужчиной всерьез, и понимать ее следует дословно.

«Извращенец! – усмехнулась Грета, готовясь к вторжению. – Нашел чем пугать! Такой мундштучишко в сечении не больше чем полперста будет. Нормальный зад его и не почувствует!»

В сущности, войти в гостиную «Королевы Роз» через занавешенную портьерой стеклянную дверь было делом техники. Причем не какой-нибудь там запредельно высокой и изощренной, а самой что ни на есть простой. Удар левым плечом, и через мгновение... ты уже барахтаешься на полу, запутавшийся в гобеленовых драпировках, усыпанный, как елка конфетти, осколками битого стекла. Впрочем, вопрос – *как ударить, куда и зачем?* Если знаешь ответы, проблем не возникнет. И Грета знала их все как «Отче наш», однако применять свои знания на практике не стала. Обстановка в гостиной неожиданным образом переменилась, и она решила «обождать за дверью».

Дарья Дмитриевна Телегина

– ...А что будет, если я вам ваш янтарный мундштук в задницу воткну?

Как ни странно, эта последняя угроза вызвала у Дарьи самую странную реакцию, какую она могла от себя ожидать. Ей стало смешно, и она рассмеялась.

– Я сказал что-то смешное? – нахмурился обернувшийся на ее смех Кирилл.

– А сам не заметил? – вопросом на вопрос ответила Дарья, дивясь одновременно на себя и недоумевая, откуда бы взяться вдруг такому брутальному пофигизму. Вроде бы только что она пребывала в истерике, а сейчас, глядишь ты, умело заговаривает противнику зубы.

«Я что делаю?!» – поймала она себя на какой-то странной, как бы и не своей мысли, но времени на опыты в интроспекции у нее не оставалось.

– Нашел чем пугать! – усмехнулась она, чувствуя, как успокаивается сердце и выравнивается дыхание. – Ты же видел мой мундштук! Он не более полуперста в сечении. Нормальный зад его и не почувствует, как полагаешь?

– Глупости! – Кирилл замер, прислушиваясь к чему-то, слышному, должно быть, ему одному. – Так ты, сука, выходит, не одна? – почти удивленно произнес он через мгновение.

– Кому сука, а кому госпожа капитан первого ранга! – возразила Дарья. Она еще не поняла, что происходит, как не разобралась и с тем, откуда в ней вдруг взялась эта нелепая бравада. Однако почувствовала – ситуация меняется.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – Мужчина появился в гостиной совершенно неожиданно. Казалось, вышел из сгустившейся в углу тени. Когда и как он проник в «Королеву Роз», можно было только гадать. Но Дарье сейчас было не до этого.

– Bravo! – Судя по всему, Кирилл не испугался. Во всяком случае, своих эмоций не показал. – Мне поднять руки?

– Не совсем, – мужчина сделал еще один шаг к свету, и Дарья увидела в его левой руке револьвер. – Руки за голову, господин майор! Дарья Дмитриевна, вы в порядке?

– Почти... а вы кто?

– Я офицер контрразведки, – мужчина подошел к ней и, не выпуская из поля зрения, медленно – без резких движений – закладывая руки за голову Кирилла, стал резать на Дарье веревки. Делал он это споро, но ни разу при этом на Дарью не взглянул. Двигался быстро, нож держал в правой руке, а в левой по-прежнему сжимал короткоствольный – какой-то курносый, но оттого не менее опасный – револьвер. – Я вас прикрывал, ваше высокоблагородие, с самого Туруханска за вами шел. Очень нам, видите ли, не понравился господин Коноплев. И не зря, как выяснилось. *У а шу ретре джуа?*

– Что вы сказали? – не поняла Дарья.

– Это по-ханьски, – коротко бросил контрразведчик, обрезая последнюю стяжку. – Я...

Но договорить не смог. Раздался тихий свист – или это было просто шуршание воздуха? – и так и оставшийся безымянным офицер выронил оружие, хватаясь за горло. Послышались булькающие звуки, и сквозь сжавшиеся на горле пальцы полилась кровь. Контрразведчик захрипел и осел на пол.

– Он спросил меня, прав ли он? – Кирилл опустил руки и взглянул на контрразведчика. – Он мертв, Дарата Довмонтовна, и вам более помочь не сможет. Хорошая попытка, но всего лишь попытка.

Дарья перевела метнувшийся к Кириллу взгляд на безымянного офицера. Тот упал на спину и несильно сучил ногами. Кровь заливала пол, подтекая под тело.

– Так ты китаец? – Дарья поискала взглядом виновника случившейся перемены и почти не удивилась, найдя его в дверях спальни. По-видимому, там, в спальне, он до сих пор и прятался. Или проник туда недавно через черный ход.

«Не повезло...» – Но мысль эта отчего-то Дарью не расстроила.

– Так ты китаец?

– Есть разница?

– Цинский шпион! – кивнула Дарья, сообразившая уже, откуда ветер дует. – Ну, надо же! И целый майор!

– Вообще-то, правильнее – полутысяцкий, как ты, верно, знаешь, – дернул губой Кирилл. – И вернись, ради бога, в кресло. Не будешь же ты со мною драться? Или будешь?

– Не будет! – этот новый голос заставил Кирилла вздрогнуть. А вот Дарья не удивилась. Чего-то в этом роде она как будто с пару минут уже и ожидала.

Быстрое движение за спиной убийцы. Треск ломаемых позвонков, – Дарья так и не поняла, откуда ей известно, что это за «щелчки», – и между Дарьей и Кириллом появляется типичная горничная в темном платье и темном же чепце.

– Значит, полутысяцкий! – голос Греты ни с каким другим не спутаешь! Особый голос. Красивый. Опасный. – Вы меня, Кирилл Иванович, прямо-таки озадачили. Целый цинский майор, и где?

Вместо ответа Кирилл ударил. Ну, это только так говорится, ударил. На самом деле он просто исчез из поля зрения Дарьи, и у нее от неожиданности и мгновенно вернувшегося ужаса даже сердце провалилось. Однако испугалась она зря.

– Хорошая попытка, – похвалила Грета.

Каким-то образом – неизвестно когда и как – Кирилл снова возник в обычном пространстве и времени. Но теперь он лежал навзничь, а Грета сидела на нем, держа за горло двумя пальцами левой руки – указательным и большим.

– Дай мне закурить и иди – сказала она, обернувшись к Дарье. – На постоянный двор не ходи. Деньги есть? – спросила, как бы озаботившись, и тут же посмотрела на Кирилла. – Не суетись, китаец! Сделаю больно... – голос прозвучал отнюдь не равнодушно. В нем чувствовалось предвкушение, которое безошибочно опознали и Дарья, и Кирилл. Дарья от этой интонации похолодела, а Кирилл проявил волю к сопротивлению и тут же за нее поплатился. Что и как сделала Грета, Дарья не заметила, но, если только что у Кирилла было чистое лицо без синяков и царапин, то в следующее мгновение оно уже оказалось залито кровью.

– Что? – непроизвольно подалась вперед Дарья, услышав крик Кирилла, перешедший после тычка в горло в хриплый стон.

– Пустяки! – улыбнулась Дарье давешняя пианистка. – Я ему губу вырвала. Для остротки, – объяснила она опешившей Дарье и нахмурилась. – Не любишь крови? Ладно! Дай папиросу и уходи! Встречаемся в десять на Фурштатской. И не дури! Я тебе не враг, а друг! Притом единственный! Помнишь, поди, Марка? Так я за него, если ты еще не поняла!

Дарья кивнула, не в силах произнести ни единого слова. Она быстро нашла на столе коробку папирос. Достала одну, протянула Грете и дала прикурить, воспользовавшись стоявшей на каминной полке бронзовой зажигалкой.

– Прощай, Кирилл! – сказала она, выходя из гостиной в коридор. – До встречи, госпожа Ворм!

Последнее, по-видимости, предназначалось Грете, но думала Дарья не о ней, а о Марке, об их последней встрече, и о том, что было обещано, но так и не сбылось...

– Ну, вот мы и на месте, – сказал Марк, останавливая паромобиль у неприметного домика в лесу. – Не передумала? А то смотри, пути назад не будет!

– Не передумала! – буркнула Дарья. Ей не о чем было жалеть. Будущее обещало куда больше, чем прошлое. И в этом контексте ей было глубоко наплевать и на родных, которые не были ей так уж близки, и на Родину, которая так легко отказалась от ее услуг.

– Ну, ну... – Марк достал ее из салона, легко поднял на руки и отнес в дом. – Я положу тебя на кровать, – по-видимому, он видел в темноте, еще

одна способность, о которой Дарья даже не подозревала. – Вот... Сейчас я зажгу свет.

Он действительно чиркнул спичкой и скоро засветил пару керосиновых ламп.

– В доме натоплено, но я, пожалуй, растоплю печь снова, – Марк двигался легко и быстро. Слова произносил только для того, чтобы не молчать. Просто комментировал свои действия.

– Так... Ну, и одеялом прикрыть... Тебе может стать холодно... – он присел рядом с кроватью. – Я не знаю, как все пойдет, – сказал, глядя ей в глаза. – Это ведь чудо... Практически магия, и ты первая, для кого я это делаю. Редкая вещь даже там, откуда я родом. Поэтому могу только повторить то, что уже говорил. Будет больно... Впрочем, мне тоже... Я ведь тебя буду как бы рождать заново... Не как у женщин, но больно. Не важно. Будет больно и грязно... Но зато потом... Потом из гадкого утенка вырастет великолепный лебедь!

– Обещаешь?

– Да! – твердо кивнул он. – Ты потеряешь сознание, но когда очнешься, я буду рядом и помогу.

– Я тебе верю! – слова давались с трудом, парализованные мышцы едва подчинялись, но Марк обещал излечение...

«Нет, он обещал не исцеление, а новую жизнь!» – и в этот момент ее тело, скорченное и твердое, словно северное дерево, привыкшее к жестоким ветрам, обдало первой волной боли...

Глава 2 Крутой поворот

25 декабря 1929 года, нейтральная территория Водская Падь, Вольный город Ландскрона

Карл Мора

В конце концов, как это уже случалось раньше, Грету занесло, и она едва успела позвать на помощь. Позвала Карла, хотя могла бы – для разнообразия, – обратиться к Марку. Однако Марка Грета, похоже, по-прежнему побаивалась, а вот с Карлом чувствовала себя вполне комфортно.

– Иди! – приказал он ей, оглядев «поле боя». – Иди, Грета! И не высовывайся пока. Отдыхай!

«Отдыхай...»

Ну, что ж, так распотрошить цинского офицера – большого умения не надо. Одной старательностью можно обойтись, но Грета, очень может быть, себя не контролировала. Вернее, не вполне контролировала. Пошла бы вразнос, просто порвала бы мужика на тряпки, а так – да. Потрудилась, устала, но убила все-таки не сразу и умучила не без пользы. Однако теперь ей следовало отдохнуть, а то потянет на кровь – не остановишь. А Ландскроне еще один серийный убийца никак не нужен. Он никому не нужен. Даже Карлу, который вполне мог представить себя в роли нового Джека Потрошителя. Забавно, наверное, но бессмысленно. А Карл неразумных действий стремился не совершать. И другим не позволял. Грете, например.

Он прошелся по гостиной, разглядывая с умеренным интересом тела и разбросанные вещи. Собрал портмоне и документы, просмотрел и отложил до времени. Осмотрел оружие, но ничего ценного не нашел. Интересные вещи, впрочем, обнаружились в черном кожаном

футляре от гавота. Хороший футляр. Дорогой. Отменная работа, шлифованная кожа, серебро. А внутри коллекция отмычек, набор механика-универсала для работы со сложными, но малогабаритными машинами, и небольшая, но впечатляющая коллекция пыточного инструмента, включая шприцы и весьма продвинутую допросную химию.

«Недурно!» – Карл добавил найденные в гостиной документы и портмоне и закрыл футляр. Его он предполагал забрать с собой. А пока следовало исследовать спальню. Цинцы люди практичные и таскают с собой массу полезных и «необходимых в хозяйстве» вещей. К тому же они патологически влюблены в вычурную технику, и Карл прикинул, что вполне может найти здесь несколько особо впечатляющих экспонатов для их общего с Марком и Гретой музея. И, разумеется, не ошибся.

В спальне Карл нашел футляр с гоглами венецианской работы. Бронзовые, покрытые тонкой резьбой и накладками из черненого серебра, это были весьма замысловатые гоглы с телескопическим прицелом под левый глаз и бифокалом под правый, позволявшим исследовать отпечатки пальцев и рассматривать микроскопические детали наподобие часовых.

«Хорошая вещь!» – уважительно кивнул Карл и спрятал оптический прибор в карман.

Следующей находкой оказался трехлинейный¹⁸ офицерский револьвер-трансформер системы Карнбах-Пластун. Сейчас он был в сборке с кургузым смешным стволиком для скрытого ношения. Из такого недомерка да еще со спецпатроном под ослабленный пороховой заряд стрелять можно только в упор или по неподвижной цели. Самое то для действий в помещениях. Другое дело «винтовочный» восьмигранный ствол длиной в аршин, спрятанный в рукоять зонта. Вот в комплекте с ним – да еще с развернутым на максимум телескопическим прицелом в гоглах – стрелять из «карнбаха» можно и на триста сажен¹⁹. Но и патрон для такой стрельбы требуется усиленный.

Карл повертел оружие в руках, прикинул, как стал бы сбивать из «пластуна» подвижную низко летящую цель – решив между делом, что фламандская подкалиберная пуля с сердечником из деплеталю²⁰ подошла бы для этого как нельзя лучше, – и совсем было вознамерился собрать карабин, но вовремя сообразил, что порыв неуместен. Время позднее. Снаружи наверняка уже светает, а в «Королеве Роз» следы ужасающей резни. Оставаться и далее в этом вертепе – верх легкомыслия. Как всегда, главное – понять «суть происходящего», остальное – дело техники. Для человека, напроць лишеного чувства самосохранения, Карл на редкость хорошо научился выживать. Отсутствие страха он заменял здравым смыслом и логикой. Получалось неплохо. Так случилось и на этот раз. Сообразил, что к чему, оценил риски, начал действовать.

Карл быстро, но систематически затер следы и отпечатки пальцев Греты, да и за собой прибрал тоже. Переделся в один из костюмов покойного господина Коноплева, оказавшийся ему почти впору, и в его же уличные ботинки, и, бросив свою забрызганную кровью одежду в камин, вышел из «Королевы Роз», прихватив с собой футляр для фагота, длинный зонт и небольшой саквояж светлой кожи.

«Пожалуй, – думал он, поскрипывая снегом в направлении станции надземки, – можно будет сделать для цинских трофеев отдельную витрину».

Дарья Дмитриевна Телегина

Остаток ночи она провела в суомском готеле «Гоглант». Не спала, разумеется. Куда там – спать! Взяла номер с ванной – благо в поясном кошельке «завалялось» триста рублей золотом, – села в горячую воду, «набулькала» полстакана старки и выпила залпом.

¹⁸ Калибр – 7,62 мм.

¹⁹ Примерно – 650 метров.

²⁰ По-видимому, русско-новгородская разговорная вариация на тему слова depletalloy (так некогда назывался обедненный уран).

«Как парное молоко...» Или как нарзан.

Выпила, не чувствуя, что пьет, взглянула с удивлением на пустой стакан.

– Ну, надо же!

Пятидесятиградусный алкоголь не забирал. Даже не пронял как следует.

«В десять на Фурштатской...»

Тем не менее налила еще полстакана и вдруг вспомнила, как Грета вырвала Кириллу верхнюю губу.

«Ужас какой!»

И в самом деле, ужас. Но и то, что случилось с ней за считанные минуты до этого, тоже ведь не «блядки на сеновале». Опоздай Грета хоть ненадолго, и, возможно, не сидела бы Дарья сейчас в горячей воде. В смысле, не смогла бы в ней сидеть.

«А если бы ее и вовсе рядом не оказалось? Если бы они вообще не встретились, тогда что?!»

Вот это уже был настоящий ужас. И не просто «ужас, ужас, ужас, ужас!», как в старом анекдоте про шлюх, а подлинный, забирающий человека целиком и полностью – крошечный ужас. Воображение-то у Дарьи было о-го-го какое! Всем бы такое! Но не в данном случае. Представив последствия своей опрометчивости, Дарья опрокинула в рот и вторую порцию старки. Но и та прошла, на удивление, нечувствительно. Так что о факте «опрокидывания» Дарья узнала, что называется, постфактум, оставив стакан в сторону, чтобы закурить.

– Н-да...

Руки тряслись – но явно не с перепоя, – в ушах стоял гул, однако голова не кружилась, и перед глазами не плыло.

«Вот же дура! А еще штаб-офицер!»

Получалось, ума у нее было ровно столько, сколько нужно, чтобы математикой заниматься. На все остальное даже обыкновенной предусмотрительности не нашлось.

«И ведь предупреждали!»

Разумеется, предупреждали: контрразведка только что плешь всем офицерам Арсенала не проела. И объясняли доходчиво, и рассказывали – «без утайки», – и пугали, чего уж там, как детей в ночном. А она возьми да забудь все, чему учили и о чем предупреждали. Легла под выблядка цинского и думала, что крутая, как Красноярские столбы.

«Случай...»

Случай и есть. И случай этот зовут Грета, но Грета...

«Грета знает про Марка... и про меня...»

Невероятное знание Греты должно было иметь объяснение, но ничего путного в голову, увы, не приходило. Однако же факт – Дарья «чувствовала» Грету точно так же, как некогда Марка.

«Кто она?» – но для того, чтобы сказать, кто такая эта Грета, следовало прежде объяснить, кто таков Марк, и что в нем такого особенного. Однако про Марка Дарья не знала ничего. Даже того, человек ли он?

«Человек, наверное...» – подумала она неуверенно, вновь наполняя внезапно опустевший стакан.

«Возможно, человек».

Однако могло случиться и так, что всего человеческого в Марке одна лишь наружность. В то давнее теперь время, когда они встретились, мысль эта не раз наведала Дарью, и однозначного ответа на этот странный вопрос она так и не получила. Даже «метаморфоза» не расставила точек над «i». Не зная истинной природы вещей, за чудо можно принять и взрыв снаряда, и уж тем более эффекты «технической левитации».

– У тебя, Дари, светлая голова. – Марк сидел напротив, курил трубку, смотрел сквозь дым. – Острый ум... Ракицкий сказал «мужской»? Дурак он

этот Ракицкий, хоть и профессор. У тебя не мужской ум и не женский. У тебя ум математика. Дар божий. Интеллект огромной мощи, и то, что он «живет» в голове женщины, это всего лишь факт биографии.

– Исключительный факт, – выдавила Дарья, чувствуя, как стекает из угла рта вниз по подбородку очередная струйка слюны.

– Женщины-математики твоего уровня редкие птицы, – не стал спорить Марк.

Он был единственным, кто смотрел ей в лицо без сострадания и печали. Кто воспринимал ее такой, какая есть, не испытывая – во всяком случае, так представлялось – никакого особого неудобства, то есть без ущерба своему эстетическому чувству.

– Тем не менее, полагаю, что ум твой все-таки более женский, чем мужской, хотя ты и умнее абсолютного большинства мужчин. Быть женщиной не оскорбление, Дари. Вот что я хотел сказать.

– Я не женщина, – возразила Дарья. – Я урод.

– Одно другому не мешает, – отмахнулся Марк и достал из внутреннего кармана пиджака маленькую серебряную фляжку. – Ты инвалид, Дари. С этим не поспоришь, но ты женщина-инвалид. Это тоже факт.

Он отвинтил крышечку и сделал маленький глоток.

– Очень крепкий напиток... Почти девяносто градусов.

– Спирт? – спросила она.

– Нет, но по содержанию близок к тому, чтобы быть им. Шдэрх.

– Что? – не поняла Дарья.

– Этот напиток называется. Шдэрх, – объяснил Марк. – Это не по-русски, а в переводе что-то вроде «Грозового перевала». Да, пожалуй, так и есть – «Грозовой перевал».

– Где? – ей трудно было произносить длинные фразы, и везде, где возможно, она ограничивалась короткими.

– Далеко, – вздохнул Марк, пряча фляжку в карман. – Ты не знаешь.

Такое возникало иногда в их беседах. Они набредали на тему, которая была Марку неприятна, или, что случалось чаще, он просто не хотел объяснять нечто, связанное с его прошлым. А оно у Марка было, надо полагать, ой какое непростое. Это Дарья знала наверняка. «Чувствовала». Хотя и не смогла бы, наверное, облечь это «знание» и это «чувство» в слова.

– Чувствуешь? – неожиданно спросил Марк.

Врать не хотелось. Хотелось говорить правду.

– Да.

– Ну, и что ты там «увидала»?

– Не знаю... словами... не объяснить.

– Попробуй! – сказал мягко, но по оцущениям, как если бы отдал приказ.

Не слушаешься, не убежишь.

– Две луны... – она смотрела на него с мольбой, ожидая если не похвалы, то хотя бы уверения, что не сошла с ума.

– Точно, – кивнул он после короткой паузы. – Две луны над тихой водой... «Сладкие воды»... У тебя, Дари, не только интеллект. У тебя еще и Дар. Талант немереный. Вот какое дело.

– Всё зря...

– Как знать...

Дарья очнулась, когда вода остыла. Сидела голая в просторной мраморной ванне, наполненной едва теплой водой, и держала в одной руке окуроченные папиросы, а в другой – пустой стакан. Бутылка старки успела опустеть, а когда и как это случилось, не вспоминалось, да и вспоминать не хотелось.

«Могла и утопнуть...» – но смерть отчего-то не пугала.

Дарья нехотя вылезла из воды, накинула на плечи махровый халат и вышла из ванной. Часы на каминной полке показывали четверть десятого. Если сразу же одеться и, не мешкая, приказать портье кликнуть извозчика, вполне можно успеть к десяти на Фурштатскую, и даже не запыхаться.

«Успею...» – подумала Дарья, начиная вытираться. От капель влаги на коже ее начал бить озноб, но от мысли, мелькнувшей вдруг в голове, пробило холодным потом. Она ведь могла опоздать на встречу. Прийти в чайную и не застать там Грету. И что тогда? Упустила Марка, упустит и Грету? Упустит свой шанс? Свою судьбу?

Страх, овладевший Дарьей, был так велик, что все остальное она делала в дикой спешке, приехав на Фурштатскую, 52 за пятнадцать минут до назначенного Гретой времени. Выскочила из паромобиля, едва ли не опрометью перебежала тротуар и, только увидев большие настенные часы в чайном зале, поняла, как быстро сюда добралась.

«Царица небесная!» – Дарья вздохнула и заставила себя успокоиться.

«Все будет хорошо!» – она села за столик у окна, улыбнулась через силу девушке, подошедшей, чтобы предложить меню.

– Соловецкий взвар²¹, – сказала тихо и отодвинула кончиками пальцев брошюру меню. – И пряничков медовых махоньких... Есть у вас?

– У нас есть, – с улыбкой поклонилась девушка. – Ждать не заставим, через пять минут принесу.

– А курить у вас?..

– Можно, – девушка достала из кармана фартука и поставила на столешницу глубокую расписную плошку. – Вот! Это пепельница, если что. Просто наша хозяйка стиль соблюдает.

– И слава богу! – снова, но уже несколько более искренно улыбнулась Дарья. – Я этот стиль люблю.

Сама она была родом из Холмогор, так что Русский Север, кому бы он ни принадлежал – Новгороду или Вольным городам, – был ей родным. И уж точно, что после всего, что пережила этой ночью, пить китайский чай казалось неправильным.

«Не сегодня... не сейчас! Что?»

В просторном чайном зале об эту пору было немногочленно, чтоб не сказать – пусто. Два-три посетителя, никак не больше. И вот один из этих любителей чая спозаранку встал неожиданно из-за столика у противоположной стены и шел теперь к Дарье. То есть, учитывая, как и на кого, он смотрел, у нее и сомнений не возникло, он шел к ней.

Смотрел неопасно, но пристально, словно бы изучал, оглаживал, но без страсти. Раздевал, но необидно. Просто исследовал, так, наверное, будет правильно.

Высокий, худощавый, но с первого взгляда видно – крепкий, выносливый и очень сильный. Лицо по-мужски красивое, вернее – интересное, значительное. Крупные правильные черты. Волевой подбородок, высокий, хорошей лепки лоб, длинный прямой нос. Глаза большие, но глубоко посаженные и оттого казавшиеся при первом взгляде меньше, чем были на самом деле. Карие, по-видимому, однако на расстоянии – почти черные. Волосы короткие, темно-каштановые. И одет хорошо. Дорого и со вкусом, но не в этом дело. Дело в том, как он смотрел, и что она чувствовала под его взглядом. И еще в том, как он шел. А шел он, как всякий

²¹ Несуществующий напиток, приготавливаемый моментальным ошпариванием свежих или свежемороженых ягод смородины, брусники, калины, морошки и клюквы крутым кипятком.

молодой и здоровый мужчина его комплекции. Только вот Дарья видела иное. Она заметила почти незаметную здесь и сейчас особую грацию движений, которую ни с чем уже не спутаешь, если увидишь хоть раз. А она видела...

– Доброе утро, Дарья Дмитриевна! – мужчина подошел к столику и чуть склонил голову в вежливом приветствии. – Разрешите представиться! Карл Мора, к вашим услугам! Госпожа Ворм просила меня встретиться с вами этим утром.

– Она не придет. – Дарья не спрашивала, ответ был очевиден.

– Обстоятельства, – Карл пожал плечами, но Дарье показалось, что движение это нарочитое, а не естественное. Будь его воля, этот Карл не стал бы, наверное, вообще выражать свои чувства. Так ей представилось.

– Я понимаю, – кивнула она. – Присядете?

– Если позволите.

– Я настаиваю!

– Благодарю вас! – Он сел. Показалось, просто перетек из одного состояния в другое.

Стоял, теперь – сидит.

– Она?..

– О, вы не должны беспокоиться! – чуть приподнял он ладонь, мог бы, впрочем, и не стараться, Дарья его и так поняла. – С Гретой все в порядке. Просто она... Как бы это сформулировать? Перенервничала? Да, пожалуй, что так. Нервное напряжение, бессонная ночь, вино, кокаин... Вы меня понимаете?

– Да.

– Ваш заказ, сударыня! – подошла давешняя девушка, начала расставлять угощение.

– Что это? – кивнул мужчина на чайник.

– Соловецкий взвар, – услужливо улыбнулась ему девушка. – Не желаете попробовать?

– Там ягоды?

– Да, сударь, там...

– Какие?

– Брусника, смородина, клюква, – стала перечислять Дарья. – Что еще?

– Морошка и калина, – подсказала девушка.

– Звучит заманчиво, – шевельнул верхней губой Карл. – Заварите мне тоже. Нам, видите ли, предстоит долгий разговор, так что не помешает.

Он говорил по-русски правильно. Так стал бы произносить звуки русской речи тверич или москвич, но у Дарьи создалось впечатление, что он не русский. И дело не в имени. Просто интуиция подсказывала.

Карл Мора

– Вы знакомы с Марком? – неожиданно спросила женщина.

«Молодец, девочка! – отметил Карл. – Хороший вопрос. Правильный. Уместный. И вовремя».

– Да, мы знакомы.

– А Грета тоже с ним знакома?

– Да. Мы все давно и хорошо знакомы, – он говорил правду, поскольку не видел смысла лгать. Другое дело – детали, но о том, о чем не спрашивают, он рассказывать не обязан.

– Родственники? Друзья? – Дари смотрела на него с таким выражением, словно видела насквозь. Но он знал, она этого не может.

– Отчасти родственники, – ответил Карл, – отчасти друзья.

– Компаньоны, – добавил он через мгновение.

– Значит, про меня вы знаете?

– Да, Дари, знаю.

– Дари... Смешно, я и забыла это имя... – возможно, в ее голосе прозвучала грусть, но Карл не был в этом уверен. Он знал, что такое грусть. Мог объяснить, и даже показать. Однако опознать по интонации удавалось не всегда, а лицом девочка владела на редкость хорошо.

«Ладно, примем за грусть!»

– Хотите, чтобы я называл вас Дарьей?

– Да, пожалуйста.

– Что ж, – согласился Карл, – значит, Дарья.

– Знаете... Он рассказывал?

– Я был в курсе с самого начала, – счел необходимым объяснить Карл. – Поддерживал его в решении помочь вам, забрать к нам.

– К вам?

– Это два вопроса, не правда ли?

– Правда, – признала женщина.

– Я на них отвечу.

– Многообещающее начало.

«Сарказм? Лучше бы Грету не заносило! Она понимает такие вещи, а я нет. И потом, она женщина, а я...»

Карл не любил об этом думать. Он испытывал чувство дискомфорта, признавая истинную природу своего Я. Человеком он себя не считал, но к определенному мнению по поводу альтернативы так и не пришел.

– Все должно было закончиться иначе, – сказал он, словно бы и в самом деле, оправдываясь, одновременно испытывая по этому поводу нечто, что можно было бы назвать «раздражением». – Но обстоятельства...

– В который раз оказались сильнее нас.

– Не так, – возразил Карл. – Если бы Марк остался, вас не было бы нынче в живых.

– А он? – нахмурилась женщина.

– Возможно, тоже, – Карл не хотел ее обманывать, – но не факт. Марк живучий, да и вообще... Справиться с Марком это надо быть чем-то серьезнее номадов²².

– Номадов?

– Так мы называем тех, кто сорвал тогда наши планы. Номады.

– А вы?

– Это второй ваш вопрос, не так ли?

– Да, вы правы.

– Знаете слово «фрилансер»? – спросил тогда Карл.

– Да, – ответила женщина.

– Тогда представьте себе группу людей, которые живут сами по себе, – попробовал объяснить он. – Вне государств и обязательств, вне иерархии...

– Так не бывает, – покачала она головой.

– Бывает, – Карл достал сигару и повертел ее в пальцах. – Вопрос лишь в соотношении уровня потребностей и возможностей. А наши потребности, Дарья, с лихвой покрываются имеющимися в распоряжении сообщества возможностями. Вот и судите! Однако мы все-таки не боги, свои ограничения есть и у нас. И одно из них – номады. Они наши конкуренты и наш естественный враг. И в тот раз на кону стояли ваша жизнь и жизнь Марка. Он решил увести погоню за собой и, похоже, преуспел.

– Да... Я... – женщина явно не знала, что сказать.

– Вы живы, – напомнил Карл. – Молоды и красивы, здоровы, наконец.

– Да, но я... я думала...

²² Номады – кочевники.

– Я слышал, Марк может вскружить голову любой женщине... – осторожно сказал Карл. Ему было неприятно об этом говорить, поскольку Марк был ему куда ближе, чем любая из всех этих женщин, и важнее, разумеется.

«Вот разве что Дари...»

– Я догадывалась, что он тот еще Дон Жуан, – мягко улыбнулась женщина, – но сердцу не прикажешь.

– Да, тут и спорить не о чем, – согласился Карл. – По сути же вашего вопроса...

– Которого из двух? И, к слову, я ведь их даже не озвучила. Мысли читаете?

– Нет, разумеется. Это было бы любопытно, но, увы, недостижимо. Не читаю. Догадался, вычислил. Такой ответ вас устроит?

– Да. Извините!

– Не за что, – Карл снова обозначил пожатие плечами. – Вы в своем праве. Но вернемся все-таки к теме разговора.

Тут их прервали ненадолго, но оно и к лучшему: пока официантка расставляла перед ним чайные принадлежности, Карл раскурил сигару, и к разговору приступил уже во всеоружии. С дымящейся сигарой в одной руке и парящей кружкой взвара – в другой.

– Мы живем коммуной. Знаете значение этого слова?

– Я же из Тартара, Карл, – усмехнулась женщина. – У нас коммунисты в правящую коалицию входят. И коммуны учредить обещают. А у вас, значит, коммуна уже есть. И как оно?

– На нашем уровне благосостояния вполне сносно.

– Могу представить.

– Не можете, – возразил Карл. Он знал, о чем говорит. – Но там, с *нами*, вам было бы лучше, чем здесь, с *ними*.

– С ними это с тартарцами?

– С людьми, – пора было расставлять точки над «i».

– А вы что же, не человек?

– Не знаю, – Карл счел необходимым чуть покачать головой, как сделал бы на его месте не уверенный в своих словах человек.

– То есть как? – вскинулась Дари. – Так не бывает!

– Скажем, так не должно быть, – попытался внести ясность Карл, – но допускаю, что запутал вас из-за своей любви к философии. Я, видите ли, склонен к размышлениям на философские темы, и один из наиболее интересных для меня вопросов как раз и касается определения человечности.

– Дефиниция человека? – недоверчиво переспросила Дари.

– Что вас удивляет? – пыхнул сигарой Карл. – Человек – суть эмпирический объект, так отчего бы его не определить?

– Хорошо, – Дари отпила немного взвара и потянулась за новой папиросой. – Хотите сказать, что в вашей компании, то есть, простите, в вашей коммуне объединены не только те, кого с определенностью можно назвать человеком в узком, практическом смысле этого слова?

– Вы умница, Даша! – кивнул Карл, испытывая некоторое подобие гордости за собеседницу и в то же время род облегчения оттого, что разговор начал входить в конструктивное русло. – Именно так и обстоят дела. Очень разные персонажи. Но тем не менее мы уживаемся. И неплохо, как мне кажется. Главное, не мешать. Не вмешиваться без нужды. Не агитировать и не пропагандировать. Не проповедовать. Позволить каждому оставаться самим собой и жить так, как хочется.

– А разве это возможно? – снова удивилась Дари. – Собрание индивидуалистов? Но где же тогда коммуна?

– Коммуна в данном случае есть неизбежное зло. Общежитие в целях выживания, вы понимаете? И Марк предполагал забрать вас к нам. Вы математик, светлый ум, вам с нами будет куда интереснее.

– Но не безопаснее? Что там с вашими номадами?

– Безопасность понятие относительное, – объяснил Карл. – Кирпич может упасть где угодно и на кого угодно. В фигуральном смысле, разумеется. Но у нас вам будет куда безопаснее, чем здесь, во всех смыслах комфортнее, да и интереснее, чего уж там!

– Приглашаете?

– Повторяю приглашение, которое вы, напомню, уже однажды приняли – двадцать лет назад.

– Марк...

– Он не постарел, если вы это имеете в виду! – Сейчас Карлу стало легче вести разговор: чуть меньше эмоций, чуть больше здравого смысла.

– Это то же, что у меня?

– Разное, но похожее. Вы ведь не старитесь... пока.

– А когда начну?

– Не знаю. – И это была правда. Метаморфанты – редкие птицы, никто не знает, как и что с ними происходит после нового рождения. Одно очевидно – живут они долго, если, конечно, не пресечь их линию жизни каким-нибудь решительным жестом.

– И там... у вас...

– Все со странностями, – улыбнулся Карл. Сто часов упорных тренировок в зеркальном шаре не пропали зря, улыбался он почти естественно и по-разному в разных обстоятельствах.

– Чего хотели номады? И вообще, кто они такие? – правильные вопросы, уместные, необходимые.

– Они, как мы, но живут не коммуной, а стайей.

– Племенем? Организацией? – предположила Дари.

– Стаей! – Карл не хотел ее пугать, но от правды не скроешься.

– Что им нужно?

– Полагаю, вы, Дарья. Им нужны были вы, но, к счастью, они не знали, что именно ищут. Искали артефакт – изделие, произведение, образец, – а не живую плоть. Оттого и кинулись за Марком, а на вас и внимания не обратили. Однако второй раз могут и не ошибиться, как думаете?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Поэтому давайте обсудим оставшиеся вопросы, допьем чай, и в путь.

– Почему он не вернулся? Потом... Двадцать лет – это большой срок.

– Не такой уж и большой, – вздохнул Карл. Вздох получился отменно, хоть на сцене выступай, но суть дела он не менял. *Надо было ее искать!* Карл знал это твердо. Однако сначала было не до того, а потом – при беглом изучении вопроса – пришли к выводу, что Дари не выжила.

– Мы думали, что вы не пережили трансформацию, – сказал он после паузы.

– А я выжила.

– Вижу... А кстати, почему Дарата Эгле? И почему Дарья?

– А вы разве не знаете? – удивленно раскрыла глаза женщина. – Марк оставил там... в том домике... Он оставил одежду, деньги и документы... Паспорт на имя баронессы Дараты Эгле из Великого княжества Литовского. Я по этим документам и в Геттингене училась, и на службу в Тартар нанималась. А тамошние флотские чиновники предложили зваться на русский лад. Вот и стала я снова Дарьей. Дари-то это уменьшительное как раз от Дарьи. Ну а потом замуж вышла, за инженера-мостостроителя – Ивана Телегина – и все, метаморфоза сверши-

лась. Стала я русской тартаркой Дарьей Дмитриевной Телегиной. Там и карьеру сделала, оттуда и в Ландскрону приехала...

Дарья Телегина

– Куда теперь? – они вышли из чайной и неторопливо прогуливались вдоль улицы. Впрочем, улицей Фурштатскую называли только местные и те по привычке. Дань традиции, и ничего больше. Если не знать, что улица, любой скажет, что бульвар. В весеннюю пору, тем более летом, тут, верно, замечательно красиво. Кроны деревьев, трава на газонах, цветники... Но Дарья отчего-то попадала в Ландскрону исключительно осенью или зимой.

«Не везет...»

– Куда теперь?

– В Юрьев, – не задумываясь, ответил Карл. – Здесь нам оставаться ни к чему. Не сегодня-завтра цинцы нагрянут, да и свои правоохранители в Ландскроне строгие, а вы, Дарья, за собой три трупа оставили. Я имею в виду в «Домино».

– Два, – поправила его Дарья. – Или господин Коноплев тоже в ящик сыграл?

– Преставился, – подтвердил Карл. – И хотя это не ваших рук дело, видели-то в клубе именно вас. И на постоялом дворе вы с Коноплевым были вместе, так что не стоит, я думаю, задерживаться.

– А как же Грета?

– За нее не волнуйтесь, она сама о себе позаботиться может. Видели, чаю, как она умеет? Так это еще не высший пилотаж, а так – первый подход к снаряду. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – призналась Дарья, почувствовав, как мороз пробегает по позвоночнику. Вспоминать ночные ужасы не хотелось ни разу. Хотелось все это забыть.

– Значит, в Юрьев... – сказала она, чтобы не молчать. – А с документами как быть? Литовцы наверняка визы потребуют, а у меня даже паспорта с собой нет.

– Нет и не надо, – равнодушно бросил Карл. – Мы нелегально въедем. Вернее, влетим. ПВО человеческое они построить еще не озаботились, так что, если зайти со стороны Чудского озера, да идти над самой водой...

– Да на рассвете... – подхватила Дарья, наслушавшаяся на службе и не таких сказок; авиаторам похвастаться, что девушке подкраситься. – На чем полетим?

– На виверне, – своим обычным, несколько равнодушным тоном бросил Карл, как если бы говорил о чем-то обыденном до крайности.

– На виверне? – удивилась Дарья. – У вас что, здесь своя виверна есть?

– Не у меня, – Карл взглянул на нее сверху вниз – он был, оказывается, даже выше, чем она подумала вначале – и кивнул, – но мне ее одолжат.

«Виверну? И кто бы это мог вам ее одолжить?»

Виверна, насколько было известно Дарье, являлась самой последней и наиболее засекреченной разработкой шведской фирмы «Сааб». Тяжелый *штурмовик* по классификации Народно-Освободительной армии Тартара, *истребитель-бомбардировщик* – в армиях Швеции, Литвы и Пруссии. Но дело не в этом. На полигоне Арсенала виверны до сих пор не было. Был новгородский *аспид-тиран*, был шведский *василиск* 7-й серии, был даже литовский *авижунас*, но виверны не было не только в Тартаре, ее не было ни у кого.

«Интересно девки пляшут, – пропела она мысленно, представляя себе не столько этих девок, сколько „виверну в кустах“, – по четыре прямо в ряд...»

– А порулить дадите? – спросила вслух.

– Умеете или просто из интереса? – Карл, похоже, не удивился, спросил по существу вопроса.

– Я вообще-то капитан первого ранга.

– Капитан-инженер, – поправил ее Карл.

– Я строю воздушные корабли, – это был сильный довод, но Дарья понимала разницу между конструированием и эксплуатацией. – Я пилотировала аспидов и василисков, думаю, и с виверной управлюсь.

– Ладно, – кивнул Карл, соглашаясь, – полетаем. А сейчас идемте, ради бога. Нам надо убраться с улиц. Не ровен час, кто-нибудь опознает.

– Мне кажется, я вас не задерживаю.

– А я не о вас, – Карл смотрел куда-то вдоль улицы, – да и не вам, собственно. Впрочем, – он словно очнулся от зачарованного сна, – не важно, возьмем извозчика, я думаю, – и резким взмахом руки остановил проезжавшего мимо «лихача» на поджаром «туземце» – английской самобеглой коляске с двигателем внутреннего сгорания.

– Отвези-ка нас, любезный, в Ораниенбаум, да побыстрей! – приказал Карл, едва они уселись позади извозчика и прикрыли ноги овчинной полостью. – С ветерком!

Ну, и помчались, благо дороги хорошие, а шоссе Ландскрона – Ораниенбаум – и того лучше. Ниже сорока верст в час стрелка тахометра²³ и не опускалась, почитай. Но, с другой стороны, чтобы на «туземце» и без ветерка, о таком ужасе Дарья даже не слышала никогда. Доехали быстро. Но в дороге Дарья не только успокоилась, чего и следовало ожидать от быстрой езды, но и проголодалась. Да и замерзла так, что хоть голой задницей на печь садись.

Однако до излишеств не дошло. Приехали в приятное место – сосны и ельник, а на опушке леса – резной терем, оказавшийся на деле постоялым двором. Подкатили к крыльцу, выгрузились и напрямик отправились в трактир, где им с Карлом и водки с мороза поднесли, и грибной похлебки – с пылу, с жару, то есть прямо из печи – в обливные миски плеснули. А похлебка – это каждый россиянин подтвердит – под хлебное вино тройной выгонки, да с костромским жирным сыром и белым духовитым – тоже, видать, только из печи – хлебом, идет влет. Миг, другой, а серебряная в завитках ложка уже скребет по обнажившемуся дну тарелки.

«Вот же бл...ь!» – подумала Дарья в раздражении, но, видно, она была не первой, кто «прибегал» в «Сосны» зимой да с мороза.

Половые, сменяясь, как заряжающие у казенника артиллерийского орудия, металы на стол все подряд: семгу холодного копчения, маринованных угрей и кетовую икру, пельмени с олениной и котлеты из медвежатины, ну, и водка, разумеется, лилась рекой. Крепкая местной выгонки, настоящая на морошке, она не пьянила, а согревала, дарила жаркую истому, которая, в конце концов, и уложила Дарью в постель, да так, что едва коснулась головой подушки, и все – отключилась враз.

26 декабря 1929 года, Великое княжество Литовское

Карл Мора

Пока Дарья спала, Карл съездил на извозчике в Ораниенбаум. Прошелся скорым шагом по гостиному двору, покупая вещи строго по списку, составленному еще в чайной на Фурштатской, и складывая покупки в два кожаных баула, которые тащил за ним «пароход» – самоходный паровичок с «релейными» электромеханическими мозгами. Получилось немного, хотя и недешево, так как жалеть местные «фантики» Карл не привык. Впрочем, никакой радости от хождения по лавкам он не испытывал. Относился к покупкам чисто прагматически: нужно, вот и покупал.

Закончив с вещевым довольствием, Карл наведлся на телеграф и сообщил «Ингвару Ольгердовичу», что «попечением Всевышнего жив и здоров, чего и другим желает. А сам он

²³ По определению, тахометр – прибор для определения частоты вращения (количество оборотов в единицу времени) различных вращающихся деталей, таких как роторы, валы, диски и т. п. В немецком языке заменяет термин спидометр.

нынче обретается в городе Ораниенбауме, на центральном почтамте, где и ожидает ответа в течение следующего получаса».

Текст выглядел вполне по-идиотски, но на нем настоял контрагент, и Карл не нашел нужным оспаривать требования «высокой договаривающейся стороны». Отписался и вышел на мороз. Дело шло к вечеру, но небо очистилось, и солнце заливало своими лучами заваленные снегом улицы. Снег искрился, воздух пах зимой.

Карл раскурил сигару и достал из кармана пальто фляжку с коньяком. Пара глотков и пара затяжек, а его – глядишь ты – уже зовут в контору. Оказывается «любезный друг Ингвар Ольгердович» соизволил ответить так быстро, что становилось ясно – аппарат Бодо стоит у Ингвара Ольгердовича едва ли не дома.

«Наверняка дома и стоит, а иначе как он смог ответить так быстро? Впрочем, кроме телеграфа существуют еще и телефоны. Сюда-то он позвонил, а не телеграфировал!»

– Здравствуй, Ингвар! – сказал Карл, выслушав цветистые приветствия Сени Шершня. – Я тоже рад тебя слышать. Встречаемся в полночь на мызе у твоего дедушки. Лады?

– Лады, – голос Шершня звучал уныло, но отказать Сеня не посмел.

Было это и в самом деле уныние или нет, но Карл решил считать прозвучавшее в словах Шершня настроение именно «унынием».

«Люди...» – подумал он с чувством, напоминающим сожаление.

Люди, где бы он их ни встречал – *здесь или там*, – озадачивали Карла своими эмоциями. В этом, если подумать, и заключалась их сила, и их слабость тоже. Чувства мешали им, но мешали они и Карлу. Ему приходилось все время корректировать свое поведение с поправкой на чужие эмоции, которых он порой не в силах был даже отождествить хоть с чем-то, известным ему по прежнему опыту. «Поверить алгеброй гармонию», выстраивая модель чувственного образа с помощью одной только логики, совсем непросто. И уж точно – не гарантирует от ошибок.

Ему потребовалось полчаса, чтобы «вычислить», куда и как ударит господин Торопов, известный также как Сеня Шершень. Вернее, основное время ушло на опознание самого факта предательства, а шверпункт своей обороны Карл мог назвать и без подсказки. Не знал он только одного – как быстро способны действовать те, кто прибрал к рукам вынужденно брошенные на произвол судьбы «старые связи». А они действовали быстро и решительно, вот только «шверпункт» на проверку оказался чем-то совсем не тем, чего ожидал от Дари Карл, и на что мог рассчитывать противник.

Постоялый двор представлял собой замысловатый терем с переменным количеством этажей, так что покои Дари, по случаю, находились аж на третьем. Оттуда – через окно, увлекая за собой осколки стекла и разбитую в щепки раму – один из нападавших и вылетел как раз тогда, когда Карл подъехал к «Соснам». Удар, резкий как выстрел треск и вслед за тем звон бьющегося стекла и заполошный вопль. Мужчина, что характерно, не просто выпал из окна, он из него вылетел. Пролетел по воздуху метр или два, отчаянно маша в пустоте руками – крыльев-то ему Бог не предусмотрел, – да и упал с ускорением десять метров в секунду за секунду. Шлепнулся о булыжную мостовую, разбрызгивая кровь на белый девственный снег, да и замер, то ли лишившись чувств, то ли отойдя разом в мир иной.

«Неплохо!» – Карл выскочил из локобиля и с ходу бросился на стену.

Чем хороши эти бревенчатые хоромы, так это тем, что по их стенам можно идти, как по Новгородскому променаду. Карл оттолкнулся от декоративного гранитного ограждения, взлетел вверх и вдоль, уцепился кончиками пальцев за угол сруба повалуши и резким усилием мышц взметнул свое тело дальше и выше. А там уже и носком ботинка удалось подработать и левой рукой за карниз второго этажа уцепиться, и еще что-то где-то, но по факту Карл очутился на балконе третьего этажа так быстро, как только смог, а мог он так, как мало кто другой. Однако события развивались еще быстрее. Грянул выстрел, потом другой, третий, и, когда,

вынеся телом раму балконной двери, Карл ворвался в спальню находившейся под его опекой женщины, все было кончено. Причем эксцесс, судя по тому, что увидел Карл, оказался исчерпан в связи с тем, что закончились желающие его продолжать. Один лежал на улице – под окном, двое других – в покоях Дари, и оба, что характерно, все еще были живы.

«Но ненадолго», – отметил Карл, стремительной тенью проносясь по огромной комнате. Краем глаза он отметил, что дверь не высажена, а открыта – «Ключом или отмычкой», – мебель сдвинута тут и там и порядком побита – «Дрались по всей комнате», – ковер залит кровью, как, впрочем, и находящаяся в диком беспорядке постель.

«Недурно!»

Дари стояла, прижавшись спиной к дальней стене, в левой руке держала какой-то устрашающих размеров револьвер – «И как ей только запястье не вывернуло?!» – а в правой трехрожковый шандал, тяжелое основание которого было заляпано кровью.

Итак, события, как понял Карл из своего вынужденно беглого осмотра, развивались по классической схеме. Трое нападавших, зная, что в апартаментах находится спящая женщина, беззвучно открыли дверь и вошли, намереваясь...

«Захватить! – понял Карл. – Они собирались захватить Дари и действовали соответственно».

При этом бандиты – а Карл уже догадался, что это не контрразведка и не спецназ – толком и не знали, кого берут и что ищут. Знали, по-видимому, – выяснив это простым опросом обслуги, – что в апартаментах находится молодая блондинка, и что наелась и напилась красотка с мороза так, что «лыка не вяжет» и «заснула еще по пути в номер». Так, собственно, дело и обстояло. По виду Дари больше двадцати пяти никогда не дашь, а о том, что ей уже близко к пятидесяти, никто в трезвом уме даже не подумает. Так что, да – молодая интересная блондинка, а значит, слабая женщина, и никак иначе. И, разумеется, осоловевшая от выпитого и съеденного. Карл ее у всех на виду сам в номер и отволок, поскольку ноги Дари тогда не держали. Подкашивались они, вот в чем дело.

Однако события прошлой ночи женщину кое-чему все-таки научили, и второй раз беспомощной жертвой обстоятельств она становиться не желала, да и «особые способности», дремавшие столько лет, начали оживать. От стресса, да и от общения с Гретой и Карлом тоже. Так что Дари своих неурочных визитеров почувствовала и встретила, как полагается. Все-таки чему-то она на армейской службе, видать, научилась. Пропустила всех троих в комнату, треснула замыкающего бронзовым шандалом по затылку, отобрала оружие, и... Тут, собственно, все и началось, но и закончилось быстро и без последствий.

– Одевайтесь, Дарья! – приказал Карл. – Сейчас народ набегит! Так что давайте, не тяните! У меня извозчик внизу, сразу и уедем. Пошел вон! – рявкнул он на какого-то сунувшегося в номер мужичка. – Ну же, Дарья, скорей! Вы молодец, хорошо поработали, и я бы хотел этой возможностью воспользоваться.

Он склонился над одним из раненых и посмотрел тому в глаза.

– Я могу забрать тебя с собой и показать, на что я способен, когда не спешу, – сказал Карл, удерживая зрительный контакт.

– Нас послал Герасим! – у бандита, заглянувшего через глаза Карла прямо в ад, не возникло даже мысли уходить в несознанку, он был готов к диалогу. – Сказал, вас двое – женщина и мужчина. Ты опасен, про женщину ничего не известно. Надо захватить и допросить.

– Что ищете?

– Ключ.

– Ключ? – переспросил Карл.

– Не... не так... Герасим сказал, *Сойсшерст*. Сказал, что на каком-то языке – на каком не помню – эта вещь называется «отворяющий двери». Ключ, значит...

– Ключ, – кивнул Карл. – А как выглядит этот ключ, Герасим сказал?

– Нет, – выдохнул со стоном бандит. – Сказал, допросите. Они... вы то есть... должны... должны знать.

– Герасим был один?

– Нет... он...

– Кто-то новый, незнакомый? – перебил умирающего Карл.

– Да... Такой... Красномордый... Лицо словно кипятком обдали...

– Молодец! – Карл был доволен. Не эмоционально, но интеллектуально. Впрочем, суть дела от этого не меняется. – Кто такой Герасим? Где его найти? Как выглядит?

Однако обстоятельства тщательному потрошению не способствовали. Время уходило, причем куда быстрее, чем следовало бы по логике вещей, а на Карле, кроме прочего, лежала еще и ответственность за Дари.

«Что ж...» – он услышал сирену полицейской машины. Полиция или жандармерия... чего на самом деле и следовало ожидать. Однако в общении с этой публикой Карл по понятным причинам смысла не находил. Он быстро «успокоил» собеседника, и, взглянув на Дари, перешел ко второму.

– Готовы?

– Да.

– Тогда, пошли! – Он свернул шею раненому, подхватил Дари на левую руку и выпрыгнул в окно.

Дарья Телегина

Вылетели из окна – Дарья даже охнуть не успела. А вот испугаться должна была, но, как ни странно, «не испужалась». Как-то сразу поняла – Карл знает, что делает. И все-таки, все-таки...

Ее странный спутник действительно знал, что делает, но главное – умел это делать. Где-то схватился свободной рукой, где-то оттолкнулся ногой или, напротив, ногой притормозил, и, хотя все это было невероятно и невозможно в принципе, через пару мгновений – за один удар спокойного сердца – они оказались на земле и бежали к ожидавшей Карла на подъездной аллее машине. Локомобиль стоял под паром, так что тронулся сразу, едва беглецы успели протиснуться в салон.

– Молодец! – коротко похвалил Карл извозчика.

– О тарифе, чаю, договоримся? – меланхолично ответил тот, прибавляя оборотов.

– Один к десяти?

– Куда едем?

– На Лубенское озеро, – Карл достал портсигар и щелкнул, открывая перед Дарьей. – Папиросу, сударыня?

– Благодарю вас! – Пальцы не дрожали, это Дарья отметила мимоходом, трезво оценивая свое состояние как не вполне нормальное. Дыхание спокойное, сердцебиение тоже. Голова ясная, и страха как не было, так и нет.

Она взяла папиросу, прикурила, глубоко затянулась, хотя обычно этого не делала, и, задержав дыхание на пару-другую секунд, выдохнула табачный дым.

«Никакого эффекта!» – Но против фактов не попрешь, как говорится.

«Ладно, – решила тогда, – поживем – увидим, но эффект любопытный!»

Карл тоже закурил. Помолчал мгновение, словно решал для себя, что теперь делать и как, но когда заговорил, обратился прежде не к извозчику, а к Дарье.

– Вы как? – спросил нейтральным тоном, словно бы говорили о пустяках.

– Нормально, – пожала она плечами.

– Молодцом! – похвалил тем же ровным голосом. – Выпить хотите?

– А у вас и бар с собой прихвачен? – словно не слишком удивившись предложению, спросила Дарья, хотя человек этот не переставал ее изумлять.

– Я предусмотрителен... – Он достал из кармана серебряную фляжку, удивительно похожую на ту, что была когда-то у Марка – а может быть, и ту же самую, – протянул Дарье.

– Шдэрх? – спросила она, принимая фляжку.

– Шдэрх? Ну, нет, конечно! – вежливо улыбнулся Карл. – Коньяк какой-то...

– Вы не помните какой? – она отвинтила крышечку и сделала осторожный глоток.

– Я не разбираюсь в коньяках, – Карл пожал плечами, но движение вышло странное, какое-то натужно. Так ей, во всяком случае, показалось.

– По-моему, Пьер Ферран, – сказала она.

– Это хорошо или плохо?

– Скорее все-таки хорошо.

– Ну, и ладно тогда. Вот что, любезный, – обратился Карл к извозчику, – езжай-ка ты по старой дороге на Гостилицы и Лопухинку, а оттуда уже грунтовкой к озеру и вдоль южного берега на Мустово. Лады?

– Как прикажете! – Извозчик даже не обернулся. Дорога петляла, и ему стоило быть внимательным.

«А мне?» – вопрос не праздный. Ей, если разобраться, стоило бы быть предельно внимательной, поскольку вокруг нее и с ней самой творились странные дела. Полная чертовщина, если откровенно. И дело даже не в цинских шпионах – «Приключится же такое!» – и не в доморощенных водских бандюках. Тут, если Дарье и не все было понятно в отношении мотивов некоторых действующих лиц и исполнителей, то, во всяком случае, все это не выбивалось из рамок «возможного и объяснимого». Но вот ее сегодняшняя реакция...

– Здравствуйте, госпожа инженер-лейтенант! – мужчина был в статском, и оттого, должно быть, обращался не по уставу. Но вот в том, что он военный, у Дарьи даже сомнений не возникло.

– Разрешите представиться, поручик Голицын, – подтвердил он ее предположение.

– В отставке, – пояснил мужчина с полуулыбкой на красиво очерченных губах. Усики чуть приподнялись вместе с губой, обнажив край верхних зубов, и опустились. – Я буду учить вас выживать.

– Чему, простите? – удивленно переспросила Дарья.

– Выживание – есть первейшая из наук, необходимых военному человеку, тем более офицеру.

– Но я инженер! Рыцарь говна и пара²⁴!

– Глупости! – отмел ее возражения поручик Голицын. – На войне вы, Дарья Дмитриевна, прежде всего, объект применения силы. То есть жертва, если говорить общепринятым языком. Противнику, извините за выражение, глубоко насрать, кто вы есть или кем себя считаете. Вы женщина, притом женщина молодая и красивая, и уже вследствие этого объект приложения его – нашего гипотетического противника – агрессии. А кто это будет, цинцы или ниппонцы, новгородцы или просто хунхузы какие-нибудь или кочевники-казахи, вам, уважаемая, будет без разницы. Первым делом вас изнасилуют и, хорошо, если единожды, а после убьют. Так на войне обычно и происходит. Куртуазные излишества только в романах господина Дюма присутствуют, а в жизни – тем более в нашей с вами, госпожа инженер-лейтенант, – никак

²⁴ Прозвище инженеров-механиков на военных кораблях.

нет. Поэтому вам, как даме и офицеру, следует уметь выживать даже в самых неблагоприятных обстоятельствах, и я вас этому научу!

Голицын был из пластунов-лазутчиков, людей отчаянной храбрости и невероятных умений. Он учил Дарью убивать и не быть убитой, в общем, выживать. Он занимался с ней два-три раза в неделю в течение нескольких лет, и чем дальше, тем больше ей нравился. Любовником, впрочем, так и не стал. Оказался активным педерастом, но из песни слов не выкинешь. Нравилось это его пристрастие Дарье или нет, она признавала его силу, мастерство и ум. И научил Голицын ее многому, но, положив руку на сердце, Дарья ни на мгновение не поверила, что выпади ей жребий «выживать» по-настоящему, выживет на самом деле. Однако, слава богу, до вчерашнего дня и проверять сию гипотезу ни разу не пришлось. А когда случилось все-таки, то по всему выходило, не справилась инженер-капитан 1-го ранга Телегина с поставленной задачей. Не выжила.

Но это вчера. Не то – сегодня. В «Соснах» она действовала на «ять» – в лучших традициях тартарских пластунов. Трех бандитов за две минуты сделала вчистую, так что не зря, выходит, старался поручик Голицын! Совсем не зря!

– Я...

– Лишнего только не говорите, – по-алемански сказал Карл. Предостерег, типа. Но когда и как он успел узнать, что Дарья говорит по-алемански? Вопрос, стоящий ответа.

– Чего они от нас хотели? – так же по-алемански спросила она.

– Не знаю.

– Что будем делать? – крайне удивившись такому ответу, поинтересовалась Дарья.

– Что и планировали, только с поправкой на изменившуюся ситуацию, – ответил Карл. – Я предполагал за виверну заплатить. Теперь без денег возьму! Слетаем в Юрьев?

«Юрьев? Логично», – она, впрочем, ожидала другого, но про Авалон теперь никто не говорил.

– Отчего бы и не слетать! – пожала плечами Дарья. Простота, с которой она принимала нынче повороты судьбы, удивляла безмерно. Но и то сказать – удивление это носило скорее декларативный характер, чем эмоциональный. Знать что-то и прочувствовать свое знание – суть разные вещи. И Дарья это хорошо понимала, но чувства словно бы притупились, ослабли, выщвели, зато невероятно ясной стала голова. Думалось легко и быстро, как когда-то давно, в юности, еще до того, как в ее жизнь вошел Марк.

– Ты умная, – Марк сидел в продавленном кресле, свежий, элегантный, полный удивительной энергии. Сидел, заложив ногу на ногу, курил папиросу.

– Не сейчас, – слова давались с трудом, мышцы, сведенные судорогой, горели огнем. Изматывающая боль, и с каждым приступом все сильнее.

– Уже нет...

– Ну, значит, прежде ты была редким гением, – улыбнулся Марк. – А сейчас ты гений обыденный. Я бы сказал, заурядный. Но учти, Дари, я таких скромных гениев, как ты, пожалуй, трех-четыре за всю жизнь и встретил.

– Ты молодой, – возразила Дарья.

– На мой счет многие заблуждаются.

– Сколько тебе лет? – в его словах было что-то, что заставило ее спросить.

– Семьдесят три.

– Разыгрываешь?

– Открываю тайну.

– Зачем? – ей стало вдруг страшно. Их разговор напомнил старый сон. Она стоит у двери и боится ее открыть. Не знает, что там, но знает, что открыв дверь, не сможет ее уже закрыть...

– Затем, что хочу тебе кое-что предложить.

Открыв дверь, ее уже не закроешь...

– Что?

– Родиться заново, – оказалось, Марк уже не сидит, вальяжно развалившись в старом обтертом кресле. Стоит перед ней, смотрит в глаза.

– Родиться?

– Знаешь, от чего дети рождаются?

Странный вопрос.

– Мне подруги рассказывали.

– Это они тебе о том, как это выглядит на бытовом уровне, рассказывали, – Марк не шутил, взгляд его был тверд, как никогда. – О биологическом механизме знаешь?

– Читала кое-что...

– Чурилова? Конверса?

– Да, – подтвердила Дарья. Она чувствовала, разговор затеян неспроста, но все еще не могла ухватить его суть. Его скрытый смысл.

– Хорошо. А про генетику знаешь? Понимаешь, о чем речь?

– Это Мендель, кажется...

– Да, но не так примитивно... – поморщился Марк. – Как же тебе объяснить? Впрочем, изволь! Представь себе, что мать и отец – это две толстые книги, исписанные с первой строчки до последней математическими формулами. Одна книга описывает женщину, которой принадлежит яйцеклетка, другая мужчину, оплодотворившего эту яйцеклетку своим сперматозоидом. Я ясно излагаю?

– Вполне! – Дарье не нравилась эта тема, и причин тому было множество. Но главная состояла в том, что все это было не про нее.

– Плод получает часть текстов обеих книг, так возникает его собственная особая книга, в которой формулы описывают то, каким ему предстоит родиться. Каким он станет, когда обретет плоть.

– Моя запись...

– Твоя запись была повреждена, Дари. Ошибки в формулах. Ты меня понимаешь?

– Что это меняет?

– Много, но только для одного человека на всем земном шаре. Для тебя.

– Как?

Марк не ответил. Отошел к окну, посмотрел сквозь стекло в ночь.

– Ты ведь уже поняла, что я чужой? – спросил, не оборачиваясь.

– Чужой? – переспросила Дарья.

– А как скажешь по-другому?

– Ну...

– Поняла, – он обернулся и снова смотрел ей в глаза. – Только не придумала пока, откуда бы мне вдруг взяться.

– Откуда? – спросила Дарья, чувствуя, что все-таки открыла свою заветную дверь.

– Не скажу, – усмехнулся в ответ Марк. – До времени сохранию свою тайну. Но обещаю, ты попадешь на мой «остров Авалон». Сейчас же

поговорим о другом. Там у нас есть всякие вещи, Дари... Разные... Такие, что и не сразу придумаешь. В общем, я могу сделать так, что ты родишься заново.

– Как это?

– Тело, каждая его клетка, – Марк изобразил руками нечто, что должно было, по-видимому, иллюстрировать его слова, но на самом деле испугало Дарью еще больше. – Твое тело, Дари, претерпит что-то наподобие трансформации. Ошибки будут вычеркнуты из формул, и ты возникнешь как бы заново, но уже по исходной записи. Не знаю, какой ты станешь, красивой или нет, но ты будешь такой, какой должна была стать, если бы в исходный код не вкрались ошибки. Во всяком случае, будешь здоровой. Это я тебе обещаю.

– А душа? – как ни странно, она ему поверила. Сразу и безоглядно.

– Душа, твой мозг... Эта магия, Дари, изменить их не сможет. Только тело. Только оболочку.

– И тогда ты возьмешь меня с собой? – спросила она.

– Ну, не оставлять же тебя гнить в этом болоте? – улыбнулся он в ответ. Так и решилась ее судьба.

Дарья Телегина

Как-то на досуге – а досуги, что бы ни думали о ней на Старой верфи и в Арсенале, у Дарьи все-таки случались, – прочла она от нечего делать книжку про ниппонских синоби. Обученных будто бы тайному искусству убийц, позволявшему скрытно проникать даже в наиболее защищенные здания и помещения, убивая при этом врагов многими, иногда чрезвычайно вычурными способами. Поручик Голицын, правда, отчасти подтвердил существование сих ниппонских ассасинов, обладающих едва ли не мифической смертоносностью. Однако между делом заметил, что бивали тартарские пластуны и тех, и других. В смысле и ассасинов арабских, и синоби этих узкоглазых. Тем не менее все прочитанное тогда так и осталось в памяти Дарьи скорее литературным образом, тяготеющим к сказке или мифу, чем документальным описанием реальных многоопытных бойцов.

Вспомнила она об этом, когда в уже стусившихся сумерках увидела условный сигнал фонарем, поданный Карлом, и, выйдя из-под сени деревьев – лес близко подходил к людским строениям, – пришла, наконец, в старинный каменный дом, напоминающий своей архитектурой германские замки позапрошлого века. Но это был, разумеется, не замок, а старинная ингерманландская мыза. Впрочем, увиденное в доме разом выбило из головы Дарьи всю эту архитектурно-историческую дурь.

Судя по всему, Карл пришел незамеченным, хотя как это возможно, так и осталось для Дарьи тайной. Однако же пришел, проник в дом и убил всех, кто в нем находился. Дарья увидела семь или восемь трупов, пока шла через комнаты к задним дверям. Ей просто в голову не пришло начать их считать. Так что, возможно, трупов было даже девять, и еще неизвестное число мертвых тел наверняка находилось на втором этаже. Во всяком случае, кровь на лестнице, ведущей туда, не оставляла в этом сомнений.

«Один против дюжины... И ни одной раны?!» – на мгновение Дарья забыла, что и сама намеренно справилась с тремя супостатами. Однако в любом случае три не двенадцать. Дюжина – это уже нечто такое, что даже представить себе «в здравом уме и твердой памяти» крайне сложно.

«Да, Карл, признаю, вы круче тартарских пластунов!»

– Кстати! – остановил ее Карл на полпути. – Вы, кажется, спрашивали о номадах? Вот полюбуйтесь! – и он указал на два основательно растерзанных трупа.

Что он с ними делал и зачем, оставалось только гадать. Скорее всего, допрашивал, хотя черт его знает! Может быть, просто убить таких, как эти, ему показалось мало? В любом случае

эти двое прожили достаточно долго, чтобы вполне испытать силу его чувств. Однако Дарья не была уверена, есть ли у Карла чувства вообще. Мысль эта пришла к ней вдруг, пока стояла и рассматривала мертвые тела, и бессмысленной не показалась. На отсутствие души указывало множество признаков, просто Дарье было недосуг об этом поразмышлять.

– Запомните! – предложил Карл. – Пригодится.

«Возможно...»

Впрочем, номады ничем, кажется, от прочих людей не отличались. Люди как люди. Обычные, одним словом, и вовсе не примечательные. Вот разве что лица у них при жизни – да и после смерти, если честно – были такие, словно кипятком ошпарены.

– Полагаете, еще встретимся? – спросила, чтобы не молчать.

– Все может случиться, – равнодушно пожал плечами Карл. – Но, если придется, мой вам совет – не мешкайте. Или бегите от них, да побыстрее, или валите нахрен без всякой пощады. Причем сразу и без предупреждения! Впрочем, идите! Вы ведь хотели полетать на виверне, не так ли? А она у них как раз тут – на заднем дворе. В каретном сарае стоит!

Предложение, разумеется, интересное, и Дарья ни в коем случае не собиралась от него отказываться, но мысль о том, что и Карл, увы, не герой ее романа, на память отложила. Он был всем хорош, этот таинственный Карл Мора: красив, высок и невероятно силен. Умен, наверное. Возможно, образован. И к Дарье относился, как к родной. Вот только чем дальше, тем больше он напоминал ей Бецалелева голема. Так же смертоносен и настолько же бездушен.

«Но человеком притворяется просто виртуозно!»

– Вот, наслаждайтесь! – Карл распахнул ворота каретного сарая и поднял рычаг на распределительном щите.

Вспыхнул свет, и Дарья увидела стоящий на козлах, заменяющих ему амортизационные стойки, аппарат причудливой формы, склепанный из листов серебристого металла, местами становившегося сизым, то есть темно-серым с синевато-белесым отливом, а местами отдававшего в фиолет. При этом штурмовик оказался большим – шесть косых саженей²⁵ в длину, никак не меньше – и кое-где довольно широкий, так что понять, на что он похож, Дарья смогла, лишь обойдя его кругом. А похож он оказался не на дракона, как можно было заподозрить, имея в виду его название, а на рыбу-молот. Всей разницы, что нет вертикального плавника, да, «молот» – массивнее.

– Хорош! – Она сняла перчатку и провела кончиками пальцев по броне. – И дорогущий, видать!

– Что вы имеете в виду? – Карл стоял поодаль, курил сигару и, как обычно, выглядел невозмутимым, то есть таким на самом деле и был.

– Какой-то сплав титана, – Дарья плохо разбиралась в металлургии. Тем не менее понять, что видят ее глаза, умела. – Титановая броня. Мы и алеманы используем иногда алюминий. Алюминиевая броня, приходилось слышать?

– Да, – кивнул Карл и пыхнул сигарой. – Я в курсе. Но, кажется, в Китае тоже широко используют титан.

– Так и мы не брезгуем, – отмахнулась Дарья. – Но лить из титана корпус штурмовика? Впрочем... Ладно, посмотрим! – она нашла наконец крепежные винты, заглубленные для улучшения аэродинамики в специальные прикрытые спереди ниши, и беспомощно оглянулась в поисках инструментов. Но искать не пришлось: Карл оказался рядом – чуть сзади за ее правым плечом – и держал в руке кожаный несессер весьма специфического вида.

«Ну да! – покачала Дарья мысленно головой. – Ну, что я за дура! Раз есть виверна, должен быть и ЗИП!»

²⁵ То есть 248 см, помноженные на 6.

– Спасибо! – Она взяла из рук Карла довольно тяжелый несессер и, поставив у ног, сразу же щелкнула замками. Дарья не ошиблась – это был ЗИП № 3 – бортовой комплект инструментов. Она пробежала пальцами по укладкам и карманам, выхватила из крепления рукоять универсального ключа и, подобрала – на глаз – подходящий наконечник. Оказалось, талант не пропьешь – отвертка подошла как родная, и уже через пару минут левая боковая и нижняя центральная плиты броневых кожухов оказались – впрочем, не без помощи Карла, – сняты с креплений, и перед Дарьей открылись волшебные потроха саабовской машины.

«Обалдеть!» – Виверна оказалась даже шикарней, чем Дарья могла себе вообразить. Двенадцатицилиндровый двигатель штурмовика работал на сухом паре сверхвысокого давления. При этом энергия отнималась от сгорания бразильского гранулированного алиментигниса²⁶, а давление пара в малых рабочих контурах компенсировалось использованием керамитового²⁷ литья.

«Царица небесная! Да, где же они взяли так много керамита? – ужаснулась Дарья, осматривая почти ювелирно выполненный радиатор охлаждения. – А это? Они что, научились делать такие маленькие левиторы²⁸?»

– Что скажете, Дари?

– Дарья, – почти автоматически поправила она Карла, продолжая осматривать внутренности виверны.

– Старым людям трудно перестраиваться.

– Это вы-то старик? – оглянулась она через плечо.

– Мне кажется, мы это уже обсуждали, – пыхнул сигарным дымом Карл.

– Не припомню! – возразила Дарья, которую ни с того ни с сего начало ощутимо потрясывать.

– Ну, извините! – попробовал отступить Карл, но Дарья его не отпустила.

– Сколько вам лет? – спросила она.

– Много, – уклончиво ответил Карл.

– Отчего вам не нравится имя Дари? – спросил он, переходя в контрнаступление.

– Оттого, что Дари умерла родами, – криво усмехнулась Дарья. – Итак, сколько вам лет? Казалось бы, простой вопрос, но он походил на ту самую дверь, которую когда-то – двадцать лет назад – страшилась открыть Дари.

«Девяносто три?»

– Ну что ж, – Карл оставался совершенно невозмутим, – если вам так приспичило, Дарья, извольте. Мне восемьдесят один год. Вполне достаточно, чтобы считаться старым, не правда ли?

Карл Мора

– У вас есть семья? – спросила Дари, все так же смотревшая на него через плечо. Бледная кожа, прищуренные глаза. Голос подрагивает. Совсем немного, но Карл эти вибрации заметил. Ему и вообще много не надо. Он и об изменениях в ритме ее дыхания знал, и частоту сокращений сердечной мышцы на слух считал.

В известном смысле Карл Мора являлся богом. Во всяком случае, таковым отчасти полагал себя и сам, рассматривая в часы досуга некоторые гносеологические вопросы, например проблему атрибуции. Разумеется, он не был всемогущим, но, если честно, боги тоже разные

²⁶ Несуществующее высококалорийное топливо – от латинского *alimenta ignis* – топливо.

²⁷ Несуществующий сверхпрочный и высокоустойчивый к агрессивным средам материал, напоминающий керамику.

²⁸ По-видимому, инженерам описываемого мира удалось решить проблему физической левитации (т. е. устойчивого положение объекта в гравитационном поле без непосредственного контакта с другими объектами), создав приспособления (левитаторы), способные, с одной стороны, компенсировать силу тяжести, и создающими возвращающую силу, обеспечивающую устойчивость объекта, с другой стороны.

бывают. Карл мог назвать по памяти не менее двух дюжин пантеонов, в которых состояли отнюдь не одни лишь зевсы и брахмы. А с остальными, в той или иной мере, он был вполне сопоставим. И не важно, как и при помощи каких «хитростей» он этого достигал. У всех свои уловки и тайны, а по факту он мог многое, чего не могли обычные люди. Но раз так, то, «*по факту*» или «*по умолчанию*», он являлся кем угодно, но только не человеком. Не то чтобы это обстоятельство радовало Карла или являлось для него предметом особой гордости, тем более причиной разочарования и печали, однако и пустым звуком не было тоже. Ведь от того, кто он на самом деле – бог, сверхчеловек или просто чудовище – зависела не только самоидентификация существа, звавшегося Карл Мора, но и его поступки.

– У вас есть семья?

На первый взгляд, простой вопрос.

«Что скажешь, Карл? Есть у тебя семья?»

– Я холост, – ответил он, прекрасно понимая, что Дари такой ответ не удовлетворит, но он не был готов не только говорить, но и думать о своей семье. Нынешнее положение дел его устраивало, попытки же дать точное определение своему вычурному бытию заводили в тупик и вызывали приступы жесточайшей мигрени. А поскольку Карл никогда по-настоящему не болел – он ведь являлся богом или как минимум полубогом, – приступы головной боли доводили его до опасного состояния, которое даже он сам называл не иначе, как «безумием».

– А?..

К счастью, Дари потеряла мысль, ухватившись за более привычную ей ассоциацию.

– Да, Дарья Дмитриевна, – «технически» улыбнулся Карл, – ничто человеческое мне не чуждо, если вы это имеете в виду. И еще раз – да, Дарья Дмитриевна, я предпочитаю лиц противоположного пола.

– Исчерпывающий ответ, – криво улыбнулась Дари и, отвернувшись, продолжила копаться в недрах летательного аппарата.

«Что ж, это было близко...» – отметил он мысленно, и в этот момент с ним связался Ватель.

– Это кто? – Ватель даже не поздоровался, но он и вообще редко снисходил к общепринятым нормам поведения. Впрочем, во всем остальном он был вполне вменяем.

– Карл, – коротко ответил Карл.

– Что происходит?

– Ничего особенного, – Карл не видел необходимости драматизировать, ведь по большому счету все складывалось не так уж плохо. – Но имей в виду, тут оперируют номады, и еще одно – надо бы проверить, кто там приторговывает со свеями.

– Интересный факт. А подробности?

– Три тонны технологических новинок в крайне нетривиальном корпусе из титанокса²⁹.

– Титанокс? Шутишь?

– Я? – вопрос был не по существу.

²⁹ Несуществующий сплав титана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.